

**АКАДЕМИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ПРИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЕ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН**

БАЙГАРАЕВ АБЗАЛ КАЙРАТОВИЧ

Тема магистерской диссертации: «Пределы экстремизма и правовые основы противодействия его проявлениям»

Диссертация на соискание степени «Магистр юридических наук» по образовательной программе «7М04203-Юриспруденция».

Научный руководитель:

Доцент Кафедры специальных юридических дисциплин,
Ешназаров А.А.,
кандидат юридических наук;

Научный соруководитель:

Профессор Кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Тынышбаева А.А.,
доктор социологических наук,
кандидат психологических наук.

Косшы, 2021 г.

ТҮЙІНДЕМЕ

Магистрлік диссертация Байгараев А.Қ. «Экстремизмнің шектері және оның көріністеріне қарсы тұрудың құқықтық негіздері» кіріспеден, алты бөлімнен тұратын екі негізгі бөлімнен, қорытындыдан және пайдаланылған дереккөздер тізімінен тұрады.

Диссертациялық зерттеу экстремизмнің бірқатар проблемалық мәселелерін анықтап, олардың шешу жолдарын қарастырады. Зерттеу барысында экстремизмге қарсы іс-қимыл саласындағы халықаралық стандарттардың мәселелері зерттелді.

Зерттеу нәтижелері қорғаныс үшін ұсынылған төрт позицияда көрініс тапты.

РЕЗЮМЕ

Магистерская диссертация Байгараева А.К. «Пределы экстремизма и правовые основы противодействия его проявлениям» состоит из введения, двух основных разделов, включающих шесть подразделов, заключения и списка использованных источников.

В диссертационном исследовании обозначен круг проблемных вопросов экстремизма и определены пути их решения. В ходе проведения исследования, изучены вопросы международных стандартов в сфере противодействия экстремизму.

Результаты исследования нашли свое воплощение в четырех положениях, выдвинутых на защиту.

SUMMARY

Master's dissertation of A.K. Baygaraev «The limits of extremism and the legal basis for counteracting its manifestations» consists of an introduction, two main sections, including six subsections, a conclusion and a list of sources used.

The dissertation research identifies a range of problematic issues of extremism and identifies ways to solve them. In the course of the study, the issues of international standards in the field of countering extremism were studied.

The results of the study were embodied in four positions put forward for defense.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5-9 стр.
Глава I. Теоретические основы противодействия экстремизма	
1.1. Международные стандарты в сфере противодействия экстремизму	10-23 стр.
1.2. Понятие, виды и правовая природа экстремистских преступлений	24-34 стр.
1.3. Уголовно-правовые меры противодействия экстремизму в некоторых государствах ближнего и дальнего зарубежья	35-45 стр.
Глава II. Уголовно-правовая характеристика экстремистских преступлений	
2.1. Объективные признаки экстремистских преступлений	46-62 стр.
2.2. Субъективные признаки экстремистских преступлений	63-70 стр.
2.3. Квалифицирующие признаки экстремистских преступлений	71-81 стр.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ82-89 стр.
Список литературы	90-100 стр.

Обозначения и сокращения

ГП РК	Генеральная Прокуратура Республики Казахстан
ВС РК	Верховный Суд Республики Казахстан
г., гг.	год, года
ЕАГ/ФТ	Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ООН	Организация Объединенных Наций
СНГ	Содружество Независимых Государств
ч.; ч.ч.	часть; части
ст.	Статья
США	Соединенные Штаты Америки
ГК РК	Гражданский Кодекс Республики Казахстан
УК РК	Уголовный кодекс Республики Казахстан
РФ	Российская Федерация
ПОД/ФТ	Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма
т.е.	то есть
т.д.	так далее
СМИ	Средства массовой информации
ФАТФ	Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег
ПФР	подразделения финансовой разведки

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В п. 1 ст. 6 Закона Республики Казахстан от 06 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» терроризм, экстремизм и сепаратизм в любых их формах и проявлениях обозначены в числе основных угроз национальной безопасности. Столь высокая степень общественной опасности данной угрозы, в первую очередь, обусловлена масштабностью и темпами распространения - угрожающими для всего мирового сообщества[1].

В настоящее время наступило всеобщее осознание опасности экстремизма и его следствия - терроризма.

Эти явления противостоят установленным многовековым опытом человеческой цивилизации способам взаимодействия личности, групп лиц, организаций, общества и государства. Опасность исходящая от экстремизма не ограничивается территорией отдельно взятого государства, она имеет глобальные. мировые масштабы. Под угрозу поставлены политические, экономические, социальные институты государств. С учетом того, что в последнее время поднимается проблема возможности ядерного терроризма, данное явление приобретает характер смертельной угрозы для всего человечества.

В сложившейся ситуации мировое сообщество консолидируется в противостоянии этому злу. Основным составляющим данного противостояния является обеспечение единых, согласованных стандартов действий государств мира, которые должны обеспечить единый фронт борьбы с любыми проявлениями экстремизма. В этих целях государства мира должны присоединиться ко всем правовым актам, принимаемым в рамках ООН и обеспечить их имплементацию в национальное законодательство.

Об актуальности вопросов противодействия экстремизму свидетельствует факт принятия Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 - 2022 годы, утвержденных Постановлением Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2018 года № 12.

В данной программе сказано, что «происходящие в мире геополитические изменения инициируют новый спектр вызовов и рисков в сфере национальной безопасности, который становится все более разнообразным и исходящим от большего числа источников опасности. Этим обусловлены сложность и актуальность задач в рамках системного предупреждения угроз религиозного экстремизма и терроризма. В этих условиях действующая общегосударственная система противодействия религиозному экстремизму и терроризму нуждается в дальнейшем совершенствовании в контексте создания механизма надежной защиты личности, общества и государства от экстремистских проявлений насильственного характера и угроз терроризма.

Программа сориентирована на целенаправленное противодействие насильственным проявлениям экстремистского характера и терроризму, носителям радикальных взглядов. В ней исключено отождествление религии и радикализации, что позволит укрепить консолидацию усилий государства, общества и религиозных объединений вне зависимости от религиозной принадлежности в противодействии угрозам экстремизма и терроризма»[2, с.1].

В Программе отмечается необходимость повышения эффективности выявления и пресечения фактов религиозного экстремизма и терроризма.

Уголовный закон закрепляет перечень из 12 статей, которые содержат деяния, признаваемые экстремистскими. Большинство из деяний, закрепленных в указанном перечне, для правового поля нашей республики являются не апробированной или слабо апробированной практикой применения новеллами.

Следует отметить, что в настоящее время не до конца отрегулированы вопросы правового понимания экстремизма, его пределов и форм проявления. Нет единодушия в этом вопросе и в научной среде. Однако необходимость исследования и четкого определения этих понятий диктуется, прежде всего, потребностью нормативного определения и последующей правоприменительной практики по делам об экстремизме.

В условиях нарастающей угрозы проникновения на территорию нашей республики экстремистской идеологии и ее преступных последствий становится особенно актуальным исследование уголовно-правовой характеристики преступлений, относимых уголовным законом к экстремистским.

Степень научной разработанности темы исследования. Вопросы касательно пределов экстремизма и правовых основ противодействия его проявлениям была освещена в научных трудах многих исследователей в области уголовного права и криминологии.

Данная тема рассматривалась в работах таких казахстанских учёных, как Н.А. Биекенова, Е.Н. Бегалиева, С. Досанова, С.У. Дикаева, Р.Т. Завотпаева, Е.И. Каиржанова, А.С. Калмырзаева, К.Ж. Карбузова, Г.Т. Кужабаева, С.С. Молдабаева, С.М. Рахметова, А.Б. Скакова, А.А. Темербекова, Е.С. Тлеубаева, Н.Н. Турецкого, О.Б. Филипец, Ж.А. Шалабаева, а также в работах зарубежных ученых: Ю.М. Антоняна, Ю.И. Авдеева, А.Г. Безверхова, А.И.Бойцова, А.П. Бошнягана, И.С. Власова, А.А. Козлова, В.Л. Кудрявцевой, А.В. Серебрякова, В.В. Устинова и других.

Целью диссертационного исследования является обозначение круга проблем, связанных с пределами экстремизма и правовыми основами противодействия его проявлениям и определение путей их решения.

Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи:

- разработать понятие «экстремизма», «вооруженный мятеж»;
- расширить перечень экстремистских преступлений;

- совершенствовать ст.258 УК РК (Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму);

- совершенствовать Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года за №11 «О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о террористических и экстремистских преступлениях».

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в результате совершения экстремистских преступлений и применения законодательства о противодействии ему.

Предмет исследования являются международные правовые акты, законодательство отдельных зарубежных государств и Республики Казахстан о противодействии экстремизму, а также практика их применения.

Нормативная база исследования состоит из международных правовых актов, законодательство отдельных зарубежных государств и Республики Казахстан регламентирующие вопросы противодействия экстремистской деятельности, Нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан.

Теоретическую базу исследования составляют результаты научных исследований отечественных и зарубежных ученых, посвященных выбранной нами теме.

Методологическая основа исследования включает всеобщий метод материалистической диалектики, базирующийся на единстве практической и теоретической деятельности и частно-научные методы познания объективной действительности: сравнительно-правовой анализ; системно-структурный; конкретно-социологический и другие методы научного исследования.

Этапы исследования, ожидаемые результаты и предполагаемые направления их внедрения и апробации. Результаты диссертационного исследования могут стать надежным теоретическим и методическим материалом при преподавании уголовного права в высших учебных заведениях юридического профиля, а также в системе первоначальной подготовки, повышения квалификации и переподготовки следователей, дознавателей, начальников структурных подразделений органов дознания и следствия, прокуроров, судей, адвокатов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Автором предлагается определения:

а) понятия экстремизма дополнить ст.1 Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 года и изложить в следующей редакции: «экстремизм - организация и (или) совершение физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий, преследующих следующие экстремистские цели:

насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, осуществляемое вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм социального поведения»;

б) дополнить определением вооруженного мятежа в Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о террористических и экстремистских преступлениях» в следующей редакции: «Вооруженный мятеж – это массовое организованное вооруженное выступление с воздействием или угрозой воздействия поражающих свойств вооружения, имеющегося у значительной части участников в виде оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также военной техники с вооружением (бронетранспортеров, танков, боевых вертолетов и самолетов и т. п.) в целях свержения, изменения конституционного строя либо нарушения территориальной целостности Республики Казахстан»;

2. включить в перечень экстремистских преступлений (п. 39 ст.3 УК РК) следующие преступления:

- ст.183 (Дача разрешения на публикацию в средствах массовой информации экстремистских материалов);

- ст. 145 (Нарушение равноправия человека и гражданина);

- ст. 168 (Геноцид);

- п.11 ч.2 ст. 99 (Убийство);

- п.8 ч.2 ст. 106 (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью);

- п.6.ч.2 ст.110 (Истязание);

3. изложение части первой ст.258 УК РК в следующей редакции было бы целесообразным: «Финансирование террористической или экстремистской деятельности, то есть предоставление средств, оказание финансовых услуг или осуществление сбора средств любыми методами или способами физическому лицу либо группе лиц, либо юридическому лицу, совершенные лицом, заведомо осознававшим террористический или экстремистский характер их деятельности либо то, что предоставленные средства, оказанные информационные, финансовые и иного рода услуги будут использованы для осуществления террористической или экстремистской деятельности либо обеспечения террористической или экстремистской группы, террористической или экстремистской организации, незаконного военизированного формирования»;

4. внести дополнение в пункт 23 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по применению

законодательства о террористических и экстремистских преступлениях» в следующей редакции: «Совершение финансирования террористической или экстремистской деятельности или иного пособничества терроризму или экстремизму лицом с использованием служебного положения предполагает, как использование данным лицом предоставленных им по службе прав и полномочий, так и без такового».

Апробация результатов диссертационного исследования нашла свое отражение в двух публикациях автора.

- «К вопросу об определении понятия «Экстремизм», в международном научном журнале «Наука и жизнь Казахстана» (г. Алматы, 2020 год);

- «К вопросу о перечне экстремистских преступлений, закрепленных в пункте 39 ст.3 Уголовного Кодекса Республики Казахстан» в сборнике материалов Международной научно-практической конференции «Развитие современной юридической науки: теория и практика» Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Косшы, 2021 г.)

Структура и объем магистерской диссертации. Работа состоит из введения, двух основных разделов, включающих шесть подразделов, заключения и списка использованных источников.

Глава I. Теоретические основы противодействия экстремизма

1.1. Международные стандарты в сфере противодействия экстремизму

Для формирования глобального международного фронта противодействия экстремизму ключевое значение имеет стандартизация подходов различных стран ко всем аспектам данной проблемы. Гармонизация национальных законодательств и институциональных механизмов на базе единых международных стандартов призвана обеспечить эффективное противодействие различным проявлениям экстремизма на уровне каждой страны, а также полномасштабное международное сотрудничество в данной области.

Правовую основу объединения усилий членов мирового сообщества в антитеррористическом и антиэкстремистском сотрудничестве составляют, прежде всего, международные конвенции по борьбе с отдельными видами актов экстремистского характера, заключенных в рамках Организации Объединенных Наций и ее специализированных подразделений, а также межгосударственные договоры.

Международные стандарты в сфере противодействия экстремизму подразумевают создание необходимых условий для обеспечения единого фронта противостояния этому злу всего мирового сообщества. С этой целью государства мира должны присоединиться ко всем правовым актам, принимаемым в рамках ООН и обеспечить их имплементацию в национальное законодательство. Это, в свою очередь, предполагает единообразное определение основных правовых понятий, используемых в области борьбы с экстремизмом.

В качестве фундаментального документа на международном уровне, обозначающего главные направления противодействия экстремизму, выступает Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. Перечень ряда статей Декларации (ст. 1—5, 7, 9, 10, 13, 14, 16, 18, 19, 20, 28) содержат положения, непосредственно касающиеся отношений свойственных противодействию экстремизму. В этом ракурсе указанные положения приобретают особое значение[3, с. 43].

Международный пакт о гражданских и политических правах также декларирует равенство граждан вне зависимости от расовой, национальной или религиозной принадлежности[4, с. 1].

Статья 1 Дополнительного протокола II 1977 года к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года предусматривающая защиту жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера предписывает признавать в качестве проявление международного экстремизма любой вооруженный конфликт, в процессе которого его участники нарушают пределы общепризнанных принципов и норм международного права[5, с. 182—191].

В международных правовых актах до 2001 г. не содержалось определения понятия «экстремизм», хотя термин употреблялся. Например, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 г. №49/60, где сказано, что «Генеральная Ассамблея ... глубоко озабочена тем, что во многих регионах мира все чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежит нетерпимость или экстремизм...» [6].

В Резолюции Совета Безопасности ООН от 28 декабря 2001 г. № 1373 (2001) также записано: «Совет Безопасности...будучи глубоко озабочен в различных регионах мира числом актов терроризма, мотивами которых являются нетерпимость или экстремизм...» [7, с.107].

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 года № 58/174 рассматривает экстремизм в качестве угрозы для международной законности и правопорядка в мире[8, с.1]. Признавая терроризм в качестве наиболее радикального проявления экстремизма, ООН, тем не менее, не дает четкого определения понятию «экстремизм».

В некоторых международных документах имеется упоминание лишь отдельные формы дискриминации и нетерпимости без формулировки их нормативного определения и выделения характерных признаков. Так, положения Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, от 18 ноября 1992 года[9, с. 90-94] декларирует самобытность вышеназванных социальных групп, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 года № 36/55[10, с. 1] осуждает всевозможные формы нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений.

В декабре 2008 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». Резолюция не допускает какие-либо формы пропаганды, исходящие из идей расового превосходства, и рекомендует признавать их в качестве запрещенной деятельности[11, с. 1].

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 24 сентября 2014 г. № 2178 указано, что боевики-террористы используют свою экстремистскую идеологию для пропаганды терроризма. Осуждает насильственный экстремизм, который может служить питательной средой для терроризма [31].

В данном документе экстремизм обозначен в качестве мотива, а значит и движущей силы, терроризма.

А.Г. Никитин справедливо отмечает, что «большая часть из международных нормативных документов, создаваемых под эгидой ООН, преимущественно декларативны и не предоставляют не только перечня экстремистских деяний (за исключением терроризма), а также разъяснений экстремизма и его признаков, но и не рекомендуют проведение каких-либо действенных механизмов сотрудничества по вопросам противодействия экстремизму между странами»[12, с. 105].

Кроме того, ознакомление с содержанием нормативных документов, издаваемых ООН показывает, что в них экстремизм представляется в связи исключительно с его религиозно-расовыми признаками. При этом игнорируется присутствие политических мотивов. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о существенном пробеле в понимании и определении содержательной стороны экстремизма.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом впервые дает следующее определение понятия «экстремизм»: «экстремизм – это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемое в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Стран» [13, с. 1].

Тщательный анализ предлагаемого определения позволяет нам вычленить присутствующие в нем главные признаки.

Первый отличительный признак выражается в том, что осуществление действия либо бездействие для достижения целей, прописанных в рассматриваемом определении, должны квалифицироваться в качестве экстремистских по национальному законодательству государств — участников Конвенции.

Как рассуждает А.В. Петрянин, «данный признак нельзя охарактеризовать положительно, так как термин «деяние» достаточно широк с содержательной стороны. В текущий период времени под деянием принято подразумевать не только уголовное правонарушение, но и административное нарушение и даже дисциплинарный проступок. Такое распространенное понимание экстремизма как «деяния», по нашему мнению, во-первых, осложняет установление характера и степени общественной опасности исследуемого явления, а во-вторых, исключает возможность для вычленения четких признаков экстремизма. Полагаем, что в целях устранения выявленных противоречий целесообразно рассматривать экстремизм исключительно как преступление, а не подразумевать под ним любое деяние, выходящее за рамки преступного поведения» [14, с. 140-145].

На самом деле, понятие «преступление» предусматривает в своем составе, помимо действия или бездействия, еще и последствия, являющиеся результатом этих деяний в виде нарушений существующих общественных отношений. Так, по словам Г.П. Новоселова, «преступлением может признаваться лишь такое деяние, которое влечет за собой определенные последствия» [15, с. 91].

В то же время, не всякое негативное последствие, в виде нарушений каких-либо общественных отношений, представляют собою непременно результат чьих – то противоправных деяний. По нашему мнению, для

определения экстремизма необходимо акцентирование на значимости нарушаемых общественных отношений. Посредством выделения этого можно будет сформулировать такой обязательный признак уголовного правонарушения, как общественная опасность.

В современной уголовно-правовой науке не наблюдается единого подхода к определению и значению данного признака правонарушения. Некоторые ученые полагают, что общественная опасность сама по себе не обуславливает появление такого явления, как преступление и поэтому не может быть сведена к его сущности [16, с. 6].

С этим утверждением следует согласиться. Так, общеизвестно, что последствия любого стихийного природного бедствия выглядят в виде наступивших общественно опасных нарушений в виде всевозможных разрушений и даже гибели людей.

Тем менее, признак общественной опасности как раз и демонстрирует сущность уголовного правонарушения через призму нарушенных общественных отношений и наступивших общественно опасных последствий [17, с. 118; , с. 166].

На наш взгляд, общественная опасность экстремизма неразрывно связана с экстремистской деятельностью людей, и потому для его определения необходимо воспользоваться признаками уголовного правонарушения.

Второй признак, присутствующий в обсуждаемой нами дефиниции, – это насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность.

Данный признак содержит ряд таких альтернативных целей, как:

- насильственный захват власти;
- насильственное удержание власти;
- насильственное изменение конституционного строя государства;
- насильственное посягательство на общественную безопасность.

Мы полагаем, именно в вышеперечисленных целях сосредоточен основной стержень экстремизма, так как они свидетельствуют о том, что экстремизм посягает на существующий конституционный строй и общественную безопасность государств. Именно это обстоятельство обусловило место расположение экстремистских преступлений в Уголовном кодексе Республики Казахстан, а именно, в главе 5 «Уголовные правонарушения против основ конституционного строя и безопасности государства» и в главе 4 «Преступления против мира и безопасности человечества».

А.В. Петрянин пишет: «В основном признавая правильным определение целей экстремизма, прописанных в рассматриваемой Конвенции, считаем необходимым обозначить их частичную пробельность. Как уже установлено, что современный экстремизм представляет угрозу не только в виде посягательств на конституционный строй или общественную безопасность

отдельного государства. Как и сказано в документе, экстремизм несет угрозу всему мировому сообществу. Из этого следует, что необходимо закрепить еще одну цель – подрыв мировой безопасности. Это предоставляет возможность принципиально по-новому подойти к деяниям, посягающим на мир и безопасность человечества, как возможной разновидности преступлений экстремистской направленности. Признание данной цели будет являться легитимным основанием создания анти-экстремистских норм, ставящих под охрану мир и безопасность человечества, и помещения их в соответствующие главу и раздел Уголовного кодекса» [14, с. 140-145].

Мы целиком солидарны с указанным автором, поскольку считаем, что в настоящее время, в условиях перерастания преступности в транснациональные формы, защита мировой безопасности становится реальной необходимостью.

Дефиниция, содержащаяся в Шанхайской конвенции, придает экстремизму исключительно политическую окраску (при отсутствии иных мотивов совершения экстремистских преступлений). На этом основании отдельные авторы приходят к выводу о том, что содержащаяся в указанной конвенции определение экстремизма настолько широкое, что в ней сосредоточен больше политический, нежели юридический смысл [18, с. 129-137].

Следующая категория международных документов представляет собою итоговые решения, выносимые таким межгосударственным объединением, как Содружество Независимых Государств (СНГ), членом которого является Республика Казахстан.

Решением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 года в г. Санкт-Петербурге был подписан Модельный уголовный кодекс. Положение данного кодекса имеют рекомендательный характер и характеризуют общие подходы в противостоянии государств, состоящих в данном объединении, преступности вообще. Рассматриваемый в Модельном уголовном кодексе уголовные правонарушения экстремистской направленности представлены в таких статьях, как 177, 178, 182 и т.д.

15 мая 1992 года государства, входящие в состав СНГ приняли и подписали совместный Договор о коллективной безопасности. Согласно этому Договору государства – участники берут на себя обязательства воздерживаться от применения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях, разрешать все разногласия между собой и с другими государствами мирными средствами [19, с. 6-8].

21 июня 2000 года государства – участники СНГ утвердили «Программу государств – участников Содружества Независимых Государств по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 года».

Данная Программа является первым нормативно-правовым актом Содружества, предусматривающим совместную борьбу государств с

экстремизмом. Данный законодательный акт служит фундаментом в действенном межгосударственном сотрудничестве, направленном на противостоянии рассматриваемым явлениям.

В частности, главным назначением Программы является координация действий государств – участников СНГ, при осуществлении мероприятий по противодействию терроризму и иным проявлениям экстремизма. Следует отметить, что предусмотрено такое сотрудничество, при котором государства СНГ должны взаимно уважать и соблюдать национальные интересы и в формате заинтересованных государств [20, с. 114-129].

Данный законодательный межгосударственный опыт был успешно применен при создании Проекта модельного законодательного акта по вопросам борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. Создание данного Проекта сопровождалось согласованным формированием единого для правоохранительных органов государств СНГ «Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма».

Помимо прочих терминов в словаре закреплена сформулированная дефиниция экстремизма, под которым предлагается признавать «приверженность отдельных лиц, групп, организаций и тому подобного к крайним взглядам, позициям и мерам в человеческой деятельности. Экстремизм распространяется как на сферу общественного сознания, общественной психологии, морали, идеологии, так и особенно на отношения между социальными группами, этносами (этнический или национальный экстремизм), общественными объединениями, политическими партиями (политический экстремизм), конфессиями (религиозный экстремизм)» [21, с. 1].

В указанном определении можно вычлениить следующие конструктивные признаки экстремизма:

а) приверженность, то есть верность или преданность кому-либо или чему-либо (приверженность экстремизму выражается в преданности определенной идеологии);

б) крайность взглядов, позиций и мер в человеческой деятельности (они отражают сущность экстремизма, так как характеризуются идеологией нетерпимости к существующему государственному устройству и насильственным методам борьбы);

в) экстремистские действия могут совершаться как отдельными лицами, так и группами или организациями;

г) конкретность сфер, подверженных негативному влиянию рассматриваемого явления (сферы общественного сознания, общественной психологии, морали, идеологии, отношений между социальными группами, этносами, общественными объединениями, политическими партиями и конфессиями) [21, с. 1].

19 апреля 2001 года Межпарламентская ассамблея государств — участников СНГ приняла Постановление № 17-4 «О правовом обеспечении

противодействия международному терроризму и иным проявлениям экстремизма на территории государств — участников Содружества Независимых Государств».

Данное постановление предусматривает, что государства — члены СНГ вправе инициировать в ООН организацию работы специальной сессии по вопросам противодействия терроризму, а также вправе обратиться к государствам — участникам МПА с требованием о выполнении в полном объеме предписаний международных антитеррористических конвенций, участниками которых они являются, ускорить ратификацию и выполнение внутригосударственных процедур относительно данных и других документов [22 с. 76].

Решением Совета глав государств СНГ 26 августа 2005 года была принята «Программа сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2005—2007 годы». Согласно положениям данного документа были определены мероприятия по реализации совместных действий, направленных на противодействие преступлениям экстремистской направленности [23 с. 45].

5 октября 2007 года была принята Программы сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2008—2010 годы .

Данная Программа обозначала следующие цели: активизация сотрудничества государств - участников СНГ, повышение результативности проводимых согласованных и совместных межведомственных профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций по борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма [24 с. 1].

В порядке реализации вышеназванной программы был подготовлен «Модельный закон о противодействии экстремизму», который был принят в г. Санкт-Петербурге 14 мая 2009 года Постановлением 32-9 на 32-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ

Одним из положительных характеристик данного закона, по нашему мнению, следует признать закрепление в статье 1, то есть в законодательном порядке, определения, дающей разъяснение понятия «экстремизм». Под экстремизмом закон признает посягательства на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемых вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения [25, с. 205—219].

Данное определение включает в себе два стержневых признака экстремизма. Первый признак предусматривает нарушение экстремизмом таких общественных отношений, как основы конституционного строя, безопасность

государства, права, свободы и законные интересы человека и гражданина. Второй признак характеризует мотивацию экстремизма - это отрицание правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения.

А.В. Петрянин недостатки рассматриваемого определения усматривает в том, что «во-первых, не четко очерчен круг общественных отношений, которые нарушаются в результате экстремистских проявлений. Во-вторых, мотивация экстремизма описана размыто, отсутствует конкретность [14, с. 140-145].

10 декабря 2010 года была принята «Программа сотрудничества государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2011—2013 годы». Ее целью является дальнейшее совершенствование сотрудничества государств — участников СНГ, уставных органов и органов отраслевого сотрудничества СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма. Основными задачами Программы являются:

1) подготовка предложений Совету глав государств, Совету глав правительств, другим уставным органам и органам отраслевого сотрудничества СНГ о направлениях развития сотрудничества в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма;

2) развитие нормативной правовой базы сотрудничества государств — участников СНГ;

3) совершенствование и гармонизация национального законодательства;

4) проведение согласованных и/или совместных профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций;

5) взаимодействие с международными и региональными организациями;

6) осуществление информационно-аналитической деятельности и научно-методической работы в сфере борьбы с терроризмом, информационное обеспечение сотрудничества;

7) осуществление сотрудничества в подготовке кадров, повышении квалификации специалистов [26, с. 1].

Еще один уровень межгосударственного сотрудничества в деле обеспечения коллективной безопасности представлен в виде Евразийского экономического сообщества [27, с. 1]. Коллективная безопасность для государств, входящих в состав ЕврАзЭС, не представляется в качестве основной задачи. В этой связи между этими государствами имеют место дополнительные договоры в данной области. Например, Договор о сотрудничестве в охране внешних границ государств — членов ЕврАзЭС от 21 февраля 2003 года.

Так, статья 2 указанного Договора предусматривает, что подписавшие его государства должны совместно участвовать в пресечении террористических актов, незаконного оборота оружия, наркотиков, радиоактивных материалов, а также различных форм религиозного экстремизма [28, с. 1].

Законодательным упущением при создании данного документа признается то, что государствами-участницами во внимание взят только лишь

на один из видов экстремизма – религиозный, в то время, как общеизвестно, что этим лишь видом экстремизм не ограничивается. В этой связи было бы правильнее употребление термина «экстремизм» без обозначения его видов. В таком варианте значение Договора в деле борьбы с экстремизмом было бы значимее.

Слово «экстремизм» происходит от *extremus*, что в переводе с латыни означает «крайний». Впервые латинское слово *extremus* в политическом смысле в своих работах стал употреблять французский просветитель Шарль Монтескье, вкладывая в него негативное значение. В период Великой Французской революции его впервые применили журналисты для обозначения крайне левых и крайне правых политических сил (*extrémité gauche*», «*extrémité droite*») [29, с. 1].

Если обратиться к словарям, то обнаруживаем следующее. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова дают следующее определение экстремизма: «экстремизм – приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)» [30, с. 942].

В советском энциклопедическом словаре приводится следующее определение термина «экстремизм»: «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)» [31, с. 1552].

Согласно определению, содержащемуся в Большой советской энциклопедии, экстремизм – приверженность крайним взглядам, идеям и мерам, направленным на достижение своих целей радикально ориентированными социальными институтами, малыми группами и индивидами [32, с. 19].

В Малой энциклопедии современных знаний экстремизм определяется как «приверженность в политике и идеологии к крайним взглядам и действиям» [33, с. 67].

В соответствии с Кратким политическим словарем «экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и мерам, в политическом смысле означает стремление решать проблемы, достигать поставленных целей с применением самых радикальных методов, включая все виды насилия и террора» [34, с. 275].

Приведенные определения позволяют сделать вывод, что экстремизм исходит от индивидов, их групп и демонстрирует приверженность этих людей к крайним взглядам, идеям и их насаждение обществу путем насилия и террора.

Ключевыми словами во всех приведенных определениях являются «крайние взгляды». Общеупотребительное значение этих слов применительно места расположения чего - либо или кого - либо общеизвестно. В приведенных определениях эти слова употреблены в качестве наречия или прилагательного и отвечают на вопросы, как и какой.

В данном контексте эти слова означают:

- в фразеологическом словаре русского языка - крайние меры - самые решительные, самые суровые меры [35, с. 1];

- в словаре С.И. Ожегова - очень сильный в проявлении чего н., исключительный. Крайняя необходимость. Крайние меры. К. реакционер. Крайне (нареч.) важно [30, с. 247];

- в словаре Т. Ефремовой - достигший высшей степени; чрезвычайный, предельный [36, с. 1].

Человечество всегда существовало в пределах различных обществ. Родоплеменные общины постепенно формировались в более совершенные формы человеческого общежития, венцом которых являются современные государства. В силу истечения различных обстоятельств (воины, революции, различные мирные способы достижения общественного согласия) устанавливалась господствующая идеология в области религии, культуры, государственного устройства. Однако не все и не всегда соглашались с общепризнанными взглядами на существующие общественные институты.

Человечество в течение длительного периода своего развития выработало гуманистические способы воздействия на общественное сознание и популяризацию определенной идеологии. В правовом, демократическом государстве декларирована свобода совести, в соответствии с которой каждый может иметь убеждения, отличные от общепринятой идеологии, при условии, что эти убеждения будут выражаться в рамках установленных государством законов.

Крайность экстремизма заключается в чрезвычайной, предельно антиобщественной форме проявления, при котором провозглашаемые идеи в высшей степени противоречат не только установленным в обществе морали, идеологии, но и являются противоправными.

Сложность постижения сущности такого явления, как экстремизм, заключается в том, что оно имеет множество видов. Видовая дифференциация обусловлена тем, в какой сфере общественной жизни оно проявляется.

Г.И. Авцинова предлагает следующую классификацию экстремизма:

«По направленности:

- экономический (установление одной формы собственности; устранение конкуренции и др.);

- политический (в отношении властных структур, государственного строя);

- националистический (отвергает интересы и права других наций);

- религиозный (нетерпимость к другим конфессиям);

- экологический (против природоохранной политики; за полную ликвидацию промышленности);

- духовный (изоляция, отрицание достижений других культур).

По масштабности действий:

- внутригосударственный (репрессии против собственного народа);

- межгосударственный (использование средств, выходящих за рамки международного права; утверждение своих норм и принципов в мировом масштабе).

По отношению к властным структурам:

- государственный (осуществляемые властными структурами репрессии);
- оппозиционный государству (антирежимные группировки; теракты).

В зависимости от идеи революционаризма:

- правый (фашизм, расизм);
- левый (анархизм, большевизм)» [8 с. 637-638].

Однако вне зависимости от видовой принадлежности экстремизм характеризуется, во-первых, приверженностью идеологии противоречащей нормам и принципам общественного устройства не только отдельного государства, но и международного сообщества в целом; во-вторых, стремлением к насильственному подрыву, разрушению существующего общественного порядка.

В юридической литературе учеными представлено множество определений экстремизма. Приведем лишь некоторые из них. Так, Е. А. Глухов и С. А. Строков пишут, что «в самом общем виде экстремизм - это непринятие чужих взглядов, ощущение своей величественности и исключительности по сравнению с иными лицами, реализация умысла на унижение или уничтожение инакомыслящих или не принадлежащих к своей группе людей» [38, с. 13].

Н. В. Голубых и М. П. Леготин определяют экстремизм, как «многоаспектное противоправное общественно опасное явление, носящее асоциальный характер, охватывающее все сферы общественной жизни, имеющее целью подрыв государственных и общественных устоев посредством крайних насильственных методов, выраженное в непринятии иных суждений, безапелляционности и категоричности, а равно в силовом навязывании собственных догм обществу и государству» [39, с. 64].

Следует отметить, что экстремизм переходит из границ социальных явлений в область правовых отношений в силу таких его признаков, как:

- игнорирование мнений большинства членов общества;
- игнорирование или даже отрицание основных общечеловеческих ценностей;
- агрессия в отношении инакомыслящих;
- стремление к подрыву государственных и общественных устоев;
- насаждение собственной идеологии насильственным путем.

В связи с этим актуализируется нормативное определение экстремизма.

В Законе Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 года закреплено следующее определение экстремизма: «экстремизм - организация и (или) совершение:

физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий от имени организаций, признанных в установленном порядке экстремистскими;

физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий, преследующих следующие экстремистские цели:

насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни (политический экстремизм);

разжигание расовой, национальной и родовой розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию (национальный экстремизм);

разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм)» [40].

На наш взгляд, это чрезмерно громоздкое, многословное определение. Отечественный законодатель вместил в эти определение почти все названия уголовных правонарушений, признанных экстремистскими. Так, в соответствии с пунктом 39 ст.3 Уголовного кодекса Республики Казахстан, экстремистскими преступлениями признаются деяния, предусмотренные статьями:

174 (Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни);

179 (Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан);

180 (Сепаратистская деятельность);

181 (Вооруженный мятеж);

182 (Создание, руководство экстремистской группой или участие в ее деятельности);

184 (Диверсия);

258 (Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму);

259 (Вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности);

260 (Прохождение террористической или экстремистской подготовки);

267 (Организация незаконного военизированного формирования);

404 (частями второй и третьей) (Создание, руководство и участие в деятельности незаконных общественных и других объединений);

405 (Организация и участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремизма или терроризма)» [41].

Кроме того, дефиниция отягощена использованием определений трех видов экстремизма: национального, религиозного и политического.

Многословность и потому громоздкость обсуждаемой правовой дефиниции противоречит правилам законодательной техники.

Так, в законе Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК «О правовых актах» сказано, что «текст нормативного правового акта излагается с соблюдением норм литературного языка, юридической терминологии и юридической техники, его положения **должны быть предельно краткими** (выделено нами), содержать четкий и не подлежащий различному толкованию смысл. ... Норма права, изложенная в структурном элементе нормативного правового акта, не излагается повторно в других структурных элементах этого же акта» [42].

В доктрине права также указывается на соблюдение такого приема законодательной техники, как краткость изложения. Ученые по этому поводу пишут следующее. «Текст нормативных правовых актов отличается краткостью, является максимально лаконичным и использует минимальное количество языковых средств» [43, с. 397]. «Краткость закона характеризуется максимально сжатым изложением его текста, отсутствием повторов и малоинформативных сочетаний в его тексте» [44, с. 87]. «Общее правило изложения норм права состоит в том, что нормы права следует излагать кратко, четко и определенно. Многословие и расплывчатость дают повод к различному толкованию норм права, препятствуют их единообразному применению» [45, с. 24-28].

В отечественном определении выделены такие виды экстремизма, как политический, религиозный, национальный. Однако видов экстремизма больше. Более того, в будущем могут появиться новые, ранее неизвестные виды экстремизма.

В силу сказанного, приходим к заключению, что указание видовой принадлежности в нормативном определении экстремизма излишне.

Таким же излишеством, на наш взгляд, является указание того, что «физические и (или) юридические лица, объединения физических и (или) юридических лиц действуют от имени организаций, признанных в установленном порядке экстремистскими». Экстремизмом признаются действия в соответствии с их целевой направленностью и содержанием, а не в зависимости от того, кто их совершает.

На основании этого полагаем целесообразным определение понятия «экстремизм» представить в следующей редакции: «экстремизм - организация и (или) совершение физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий, преследующих следующие экстремистские цели:

насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и

обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, осуществляемое вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм социального поведения».

1.2. Понятие, виды и правовая природа экстремистских преступлений

Для того чтобы уяснить вопросы о понятии, видах и правовой природе экстремистских преступлений, по нашему мнению, исследование необходимо начать с подробного рассмотрения такого ключевого в данном контексте понятия, как классификация преступлений. Это связано с тем, что именно определение родовой принадлежности преступления помогает наиболее полно высветить его основные составляющие компоненты.

Любое исследование преследует цель по раскрытию сущности изучаемого явления. Сущность и представляется основным содержанием явления, проявляется в его неотделимых признаках. Познание сущности требует углубление в процесс познания изучаемого явления.

Гегель по этому поводу отмечал, что «сущность ... не находится за явлением или по ту сторону явления», а есть устойчивое существование самого явления[46, с. 147]. Методологическую основу познания сущности явлений составляет указание Гегеля на то, что сущность является[46, с. 147]. Уточняя это положение, русский философ А.Ф. Лосев пишет, что «сущность является, то есть проявляется» [47, с. 15]. «Проявляется» - значит, обнаруживается, становится явным[30, с. 215]. Применительно к сущности явления это есть обнаружение (проявление) сущности в будущем, после того, как появились признаки явления.

«Явление не показывает ничего такого, чего не было бы, в сущности, писал Гегель, - и, в сущности, нет ничего такого, что не являлось бы» [48, с. 97]. Из этого следует, что сущность преступления, которое представляет собою явление, проявляет себя через определенные присущие ему признаки, характерные черты.

В статье 2, обозначая основные задачи, уголовный закон перечисляет наиболее значимые для охраны от преступных посягательств объекты, к которым относит: права, свобода и законные интересы человека и гражданина, собственность, права и законные интересы организаций, общественный порядок и безопасность, окружающую среду, конституционный строй и территориальную целостность Республики Казахстан, охраняемые законом интересы общества и государства от общественно опасных посягательств, мир и безопасность человечества.

Уголовно-правовая охрана указанных объектов обеспечивается установлением уголовной ответственности за совершение противоправных, общественно-опасных деяний, описание которых закреплено в статьях, начиная с 99 по 466, особенной части уголовного закона. Размещение статей особенной части УК РК обусловлено классификацией всех уголовных правонарушений по объекту посягательств, как принято называть в уголовно-правовой науке – «по вертикали». Согласно указанно «вертикали» в уголовные

правонарушения классифицированы согласно общему, родовому и непосредственному объекту.

«Такую классификацию в 1938 г. в учебнике советского уголовного права издательства ВИЮН предложил В.Д. Меньшагин»[49, с. 289]. Хотя, в учении об объекте уголовного правонарушения имеет место еще одна позиция, претендующая на первенство в создании трехступенчатой классификации. Так, еще в 1959 г. М.А. Гельфер писал, что «трехступенчатая классификация в уголовно-правовой литературе советских лет была изначально предложена профессором А.А. Пионтковским в разделе учебника по общей части советского уголовного права 1939 г., и с тех пор прочно вошла в нашу уголовно-правовую литературу»[50, с. 44].

С.И. Улезько рассуждает следующим образом: «Трехступенчатая классификация исходила из деления всех явлений и связей объективного мира в соответствии философских категорий единичного, особенного и общего. Указанный категориальный ряд в философии имел несколько другой смысл, чем тот, который понимался наукой уголовного права. В философии не единичное входит в особенное и общее, а общее и особенное признаются частью единичного. В науке уголовного права фактически использовался другой категориальный ряд: элемент, подсистема, система. Применялся скорее не философский, а логический подход к построению системы, смысл ее состоял в построении иерархической структуры, где различные уровни отличались друг от друга лишь по объему присущих понятию признаков, свойств» [51, с. 73].

Наука уголовного права при родовой классификации уголовных правонарушений в качестве основного критерия выделяет родовой объект противоправных посягательств.

Теоретическая значимость классификации уголовных правонарушений заключается в упрощении деятельности по скрупулезному анализу институтов уголовного законодательства, опосредовании глубокого восприятия исследуемых уголовно-правовых институтов. Сложно противоречить тому, что обусловленная институтом классификации уголовных правонарушений систематизация уголовно-правовых норм представляется одним из комфортаобразующих средств юридической техники [52, с. 345-348].

Следует отметить, что данный научный подход был воспринят и казахстанским уголовным законом. Так, в особенной части Уголовного кодекса нашей республики уголовные правонарушения сгруппированы в отдельных главах в соответствии с их классификацией по родовому объекту противоправных посягательств.

По справедливому утверждению А.А. Сизова, «институт классификации в уголовном – правовой отрасли выполняет следующие функции и обладает следующими признаками:

- способствует более глубокому познанию сущности включенных в уголовно - правовую отрасль институтов, определять предназначение

конкретных классификационных групп, устанавливать их объективные признаки, основные характеризующие признаки;

- способствует освещать изучаемые явления в научно обоснованном и структурированном виде, устанавливать их взаимосвязи и соотношения, представить их в виде части целого и, исходя из представления об этой целостности, предопределять наличие недостающих звеньев, то есть проводить диагностирование и прогнозирование новых явлений;

- помогает изучать исследуемые уголовно-правовые институты в подробном виде и в то же время объединяет (группирует) разноплановые и иногда противоречивые их проявления в процессе практической реализации;

- является инструментом систематизации как необходимой формы научного обобщения, объединяет в единую целостную систему, устанавливая их место в множестве уголовно-правовых систем;

- определяет взаимосвязи внутри каждой классификационной группы, обозначая отрицательные моменты в сфере уголовного законодательства, таким образом оптимизируя осуществление научных изысканий по вопросам совершенствования уголовного закона и т.д. [53, с. 212-215].

По нашему мнению, воспринятый из науки уголовного права способ родовой классификации уголовных правонарушений позволяет отечественному законодателю наиболее рационально ориентировать свою уголовную политику.

К примеру, объединение целого ряда уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за коррупционные проявления, в отдельную главу 15 под наименованием «Коррупционные и иные уголовные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления» в дальнейшем полностью согласовано с сформированным антикоррупционным законодательным комплексом. Это в первую очередь Указ Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 года № 986 «Об Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы», который осуществляется в ходе выполнения Плана Правительства по реализации данной Стратегии, определивший меры по противодействию коррупции и теневой экономике.

Другой пример демонстрирует, как классификация по родовому объекту преступных посягательств помогает реализовать не только в целом уголовную, но и экономическую политику государства. Так, уголовные правонарушения, посягающие на различные экономические отношения, законодателем объединены в главе 8 УК РК «Уголовные правонарушения в сфере экономической деятельности». Отличительной чертой экономических правонарушений является их тесная взаимосвязь и взаимообусловленность с экономической политикой государства на определенном этапе его развития. Уголовный закон обеспечивает успешную реализацию экономической политики. Этим объясняется повышенная мобильность уголовно-правовых норм. С изменением экономических условий возникает необходимость в

поддержке тех или иных новелл экономики уголовно-правовыми средствами. Объединяя в отдельную главу правонарушения, совершаемые в сфере экономической деятельности, законодатель исходил из того, что родовым объектом этих правонарушений признается экономика, под которой подразумевается совокупность производственных (экономических) отношений по вопросам производства, обмена, распределения и потребления материальных благ.

Уголовный закон не дает определение понятию «экстремистские преступления». Как показывает наше исследование, это довольно сложная задача.

Так, например, наши соседи – Российская Федерация, решили определить рассматриваемую нами группу преступлений, как «преступления экстремистской направленности», при этом взяв в качестве основного отличительного критерия мотив преступления.

«Как отмечают российские авторы, «к преступлениям экстремистской направленности относится только один вид деяний из перечисленных в статье 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», а именно: «совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». В пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ (пункт «е» в ред. Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ) указывается, что это «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [54, с. 48].

Указанный подход, по нашему мнению, не способствовал выполнению основной задачи правовой дефиниции – удобство ее применения в науке и практике уголовно-правовой отрасли. На сегодняшний день в российском уголовно - правовой отрасли дефиниция «преступления экстремистской направленности» не дает точного и ясного толкования определения понятия «экстремистские преступления». Это связано с тем, что определением «преступления экстремистской направленности» охватывается довольно широкий круг разнородных преступлений. В силу этого к данной категории правонарушений относят, например, такие преступления, как убийство, хулиганство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, если они совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды. Это обстоятельство, на наш взгляд, не позволяет определить четкие границы и основные признаки экстремистских преступлений.

«На важность точного определения в праве указывал С.С. Алексеев, по мнению которого именно точность в определении является самой важной с точки зрения понимания юридического факта, выявления особенностей его проявления и определения специфики регулирования данного правового

явления, рассмотрения вопроса о возможностях совершенствования законодательства» [55, с. 114].

«А.В.Павлинов абсолютно справедливо указывает на то, что связанные с проявлением экстремизма преступления расположены в разных главах УК РФ, что предопределяет их посягательство на различные группы охраняемых уголовным законом общественных отношений. Предлагаемые сегодня систематизации преступлений экстремистской направленности, основная масса которых сосредоточена в главе 29 УК РФ, не могут охватывать их в полном объеме в основном из-за особенностей видового объекта данной главы» [56, с. 1].

В этой связи российские ученые предпринимают попытки по совершенствованию рассматриваемой правовой дефиниции. Так, Н.В. Юрьева пишет: «В юридической научной литературе все преступления, которые представляют собой общественно опасные проявления экстремистской деятельности, необходимо разделять на две группы:

1) экстремистские преступления в чистом виде, основными объектами которых могут являться как основы конституционного строя, так и внутренняя безопасность государства (то есть преступления против основ государства);

2) преступления экстремистской направленности, которые совершаются по экстремистскому мотиву, но посягают на другие основные объекты. Данное деление всех преступлений экстремистского характера на «преступления экстремистской направленности» и «экстремистские преступления», по нашему мнению, стоит закрепить в Уголовном кодексе РФ» [57, с. 260].

С. Н. Фридинский предлагает следующую систематизацию уголовных правонарушений, обусловленных с осуществлением экстремистской деятельности:

а) «чистые» экстремистские уголовные правонарушения – действия, в процессе которых виновные, руководствуясь экстремистскими мотивами, насильственно насаждают свои экстремистские взгляды и пытаются искоренить позиции, отличающиеся от отстаиваемых ими, или осуществляют организацию таких действий в будущем (ст. 280, 282, 282-1, 282-2 УК РФ);

б) любые иные уголовные правонарушения из предусмотренных УК РФ, если они совершаются по экстремистским мотивам (деяния, предусмотренные ст. 278, 279 УК РФ, а также ст. 136, 145, 148, 149 УК РФ);

в) террористическая деятельность как крайняя форма проявления экстремизма [58, с. 30].

А. Е. Куковякин в своем исследовании обосновывает целесообразность следующего определения: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, если эти мотивы предусмотрены

соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса» [59, с. 280].

Для указанных выше предложений по дифференциации рассматриваемых нами преступлений на «преступления экстремистской направленности» и «экстремистские преступления» является то, что для этого имеются основания.

Так в отличие от казахстанского Закона «О противодействии экстремизму», в Федеральном законе России от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 02.12.2019) "О противодействии экстремистской деятельности" дано разъяснение содержания «экстремистской деятельности». Это самое содержание полностью отражено в диспозициях ст. 280, 282, 282-1, 282-2 УК РФ. Это обстоятельство позволяет определить эти преступления в качестве «чисто» экстремистских.

Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» дает следующее определение экстремизма:

«экстремизм – организация и (или) совершение:

физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий от имени организаций, признанных в установленном порядке экстремистскими;

физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий, преследующих следующие экстремистские цели:

насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни (политический экстремизм);

разжигание расовой, национальной и родовой розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию (национальный экстремизм);

разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм)» [40].

Однако в законе нет определения экстремистской деятельности. Закон содержит определение экстремистских действий – это «непосредственная реализация действий в экстремистских целях, включая публичные призывы к совершению таких действий, пропаганду, агитацию и публичное демонстрацию символики экстремистских организаций».

Данное разъяснение не может быть применено для характеристики экстремистской деятельности, так как действия являются лишь составной частью деятельности.

Уголовный закон Республики Казахстан в п. 39 ст.3 устанавливает перечень экстремистских преступлений. К ним отнесены нижеследующие правонарушения:

Статья 174. Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни

Статья 179. Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан

Статья 180. Сепаратистская деятельность

Статья 181. Вооруженный мятеж

Статья 182. Создание, руководство экстремистской группой или участие в ее деятельности

Статья 184. Диверсия

Статья 258. Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму

Статья 259. Вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности

Статья 260. Прохождение террористической или экстремистской подготовки

Статья 267. Организация незаконного военизированного формирования

Статья 404. Создание, руководство и участие в деятельности незаконных общественных и других объединений(частями второй и третьей)

Статья 405. Организация и участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремизма или терроризма [41].

Анализ диспозиций статей из указанного выше перечня позволяет усмотреть логику отечественного законодателя, в соответствии с которым экстремистскими должны признаваться преступления, объективные стороны которых содержат одно из деяний, подпадающих под определение экстремизма.

Эти деяния выражаются в осуществлении действий направленных на:

- насильственное изменение конституционного строя;
- нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства;
- насильственный захват власти или насильственное удержание власти;
- создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании;
- организация вооруженного мятежа и участие в нем;
- разжигание социальной, сословной розни (политический экстремизм).

- разжигания расовой, национальной и родовой розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию (национальный экстремизм);
- разжигания религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию;
- применения любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм).

В данном случае следует отметить, что в п.39 ст.3 УК РК к экстремистским отнесены лишь те преступления, в содержание объективных сторон которых входят элементы экстремизма.

Однако отечественный уголовный закон также предусматривает отдельные составы преступлений, которые не входят в обозначенный перечень экстремистских преступлений, но они совершены по экстремистским мотивам (так же, как и в УК Российской Федерации).

К таковым следует отнести, например, составы преступлений, совершенные по мотиву социальной, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды и предусмотренные: п.11 ч.2 ст. 99 (убийство), п.8 ч.2 ст. 106 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), п.6.ч.2 ст.110 (истязание) и преступления, предусмотренные статьей 145 (нарушение равноправия человека и гражданина).

Вполне определено эти преступления имеют экстремистскую характеристику, однако таковыми законодателем не названы.

Помимо этого, Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о террористических и экстремистских преступлениях» разъясняет: «Необходимо иметь в виду, что деяния, предусмотренные статьями 184 (диверсия), 258 (финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму), 259 (вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности), 260 (прохождение террористической или экстремистской подготовки) УК, отнесены и к экстремистским, и к террористическим преступлениям». [60]

В результате, фактически выходит, что перечень экстремистских преступлений не ограничивается списком, закрепленным в п.39 ст.3 УК РК.

Анализ уголовного закона на предмет отнесения преступлений к категории экстремистских показал, что, почему то в перечень экстремистских не включено преступление, предусмотренное ст.183 «Дача разрешения на публикацию в средствах массовой информации экстремистских материалов», диспозиция которой изложена в следующей редакции: «Дача разрешения на публикацию в печати и других средствах массовой информации сведений и материалов, направленных на разжигание национальной, родовой, расовой, социальной и религиозной вражды, пропагандирующих сословную

исключительность, войну, содержащих призывы к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти, подрыву безопасности государства или насильственному изменению конституционного строя, а равно нарушению территориальной целостности Республики Казахстан» [41].

Даже поверхностное ознакомление с текстом диспозиции данной статьи показывает, что это деяние способствует совершению экстремизма. В современном мире СМИ формируют социальное настроение. Через публикации в СМИ можно посеять зерна недоверия к власти, создать атмосферу напряженности по самым различным поводам. Причина такого воздействия на настроения людей материалов СМИ объясняется тем, что, во-первых, информация, передаваемая СМИ, повсеместно доступно (дома, на службе, в поезде, в автомобиле и т.д.) во-вторых, они являются одним из главных источников получения знаний о событиях, происходящих в стране и в мире.

«О.О. Антименко отмечает несколько аспектов, способствующие все большему и большему вовлечению СМИ в события информационной борьбы. Во-первых, любая информация СМИ, претендующая на всеобщее внимание, должно оказывать сильнейшее эмоциональное воздействие. Причем, не имеет значение данная информация соответствует реальности или представляет собою вымышленную сенсацию. В забеге за рейтингами масс-медиа охотятся за первенством в обозрении различных происшествий и катастроф. Данное обстоятельство сказывается на разумном интерпретировании реальной действительности. Именно в этом, как это ни печально, интересы СМИ пересекаются с интересами экстремистских и террористических организаций, главная задача которых не ограничивается совершением теракта. Экстремисты стремятся вызвать посредством данного события возможно более широкий резонанс, преследуя при этом в первую очередь произвести максимальное психическое устрашение и дезорганизацию. Во-вторых, организационная структура масс-медиа предоставляет возможность для использования их площадок различным общественным структурам, в том числе и экстремистских, организаций, и объясняет ту легкость, с которой сообщество профессионалов в сфере изготовления и передачи массовой информации принимает навязанные им теми или иными силами («заказчиками») правила игры»[61. с. 151—152].

В соответствии с подпунктом 7) статьи 1 Закона о противодействии экстремизму, любые информационные материалы, призывающие к осуществлению экстремистских действий либо обосновывающие или оправдывающие необходимость их совершения, являются экстремистскими материалами[40].

Общеизвестно, что иногда профессионально подготовленная информация, опубликованная в наиболее популярных СМИ, может стать той искрой, которая может поджечь костер вражды и агрессии. В качестве примера можно привести крупную трагедию в Кемерово, где в результате пожара в ТЦ «Зимняя вишня» погибли 64 человека, большинство из них – дети. Мы

наблюдали молниеносное формирование остро негативной антиправительственной реакции в связи с взбросом украинского пранкера Евгения Вольнова, заявившего о, якобы, более 300 погибших [62. с. 1] .

Общеизвестным является факт того, как негативные, антиобщественные «фейки» становятся серьезным препятствием для государственных мер по защите населения от пандемии коронавируса. Подобных примеров множество. Вся эта статистика должны нас убеждать в одном – необходимо установление уголовной ответственности за участие в распространении негативной и в том числе экстремистской информации при способствовании тех должностных лиц, в полномочие которых входит дача разрешения на подобные публикации. По нашему убеждению, преступления, предусмотренные ст.183 УК РК, следует отнести к категории экстремистских.

Мы также обнаружили, что, почему то, в перечень экстремистских преступлений не включена статья 168 УК РК (геноцид). Диспозиция данной статьи изложена в следующей редакции: «Геноцид, то есть умышленные деяния, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо создания иных жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы» [41].

На наш взгляд, редакция данной статьи даже чисто терминологически совпадает с текстом, характеризующим экстремизм. Отличие заключается лишь в том, что в экстремистских действиях содержатся намерения, призывы к действиям, которые, при условии их полной реализации, должны привести к последствиям, указанным в диспозиции ст.168 УК РК. Геноцид же предусматривает осуществление экстремистских побуждений, планов. Образно взаимосвязь экстремизма и геноцида можно обозначить следующим образом: экстремизм это начало противоправного движения, а геноцид является одним из конечных пунктов намеченного маршрута.

В науке уголовного права имеются мнения, в соответствии с которыми геноцид следует относить к экстремистским преступлениям.

В.В. Аванесян в результате собственного исследования пришел к выводу о том, что «геноцид нередко имеет те же предпосылки, причины и условия возникновения, распространения, что и экстремизм. Кроме того, несмотря на принципиальное различие преследуемых целей, оба названных феномена предполагают создание вооруженных формирований, нарушение прав и свобод человека и гражданина, осуществление иных преступных действий в отношении групп людей в связи с их национальной, этнической, расовой, религиозной и иной принадлежностью. При этом геноцид реально может быть использован в качестве инструмента в реализации тех преступных целей и намерений, которые преследуются экстремизмом. Таким образом, общность экстремизма и геноцида не вызывает сомнений» [63. с. 89].

«Преступления экстремистской направленности в силу своей мотивации на криминальном уровне сигнализируют о высокой степени этнорелигиозной неприязни в обществе»[64, р. 41]. «Крайней степенью проявления такой неприязни становится геноцид. Это происходит, когда неприязнь выливается в желание уничтожить национальную, этническую, расовую или религиозную группу, т.е. в цель геноцида. С учетом сказанного, а также этимологии термина «экстремизм» (от лат. *extremus* — крайний) геноцид с криминологической точки зрения может рассматриваться как проявление экстремизма, причем как крайнее его проявление» [65. с. 99].

С мнением российских ученых совпадает решение российского законодателя. К примеру, в соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 19 ноября 2009 года № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности», преступление, предусмотренное ст.357 УК РФ (геноцид) включено в перечень экстремистских преступлений.

На основании изложенного мы полагаем, что целесообразно включить в перечень экстремистских преступлений, закрепленных в пункте 39 ст.3 УК РК преступления, предусмотренные

- ст.183 (дача разрешения на публикацию в средствах массовой информации экстремистских материалов);

- ст. 145 (нарушение равноправия человека и гражданина);

- ст. 168 (геноцид);

- п.11 ч.2 ст. 99 (убийство);

- п.8 ч.2 ст. 106 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью);

- п.6.ч.2 ст.110 (истязание).

1.3. Уголовно-правовые меры противодействия экстремизму в некоторых государствах ближнего и дальнего зарубежья

Рассмотрение вопроса об уголовно-правовых мерах противодействия экстремизму в государствах ближнего зарубежья мы решили начать с ознакомления с уголовным законодательством Российской Федерации.

Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ в примечание ст. 282-1 УК РФ было внесено дополнение: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса». Соответствующие дополнения в качестве квалифицирующих признаков были внесены в ряд составов Особенной части УК РФ.

Это обстоятельство обусловило расширенное толкование данного понятия самим законодателем «добавляя в имеющиеся составы квалифицирующий признак – мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [66, с. 30].

По справедливому утверждению А.В. Наумова, «...такое положение, с одной стороны, создает вероятность наступления беззакония и произвола, а с другой, – неоправданно «плодить» численность якобы экстремистских уголовных правонарушений, которые на самом деле таковыми не являются и будут отвлекать правоохранительные органы от борьбы с подлинным экстремизмом» [67, с. 109]

Таким образом, следует полностью согласиться с А.В. Петряниным, по мнению которого «...несчетное количество нормативно-правовых актов, непосредственно или опосредованно затрагивающих вопрос борьбы с экстремизмом, при этом обладающих юридической силой, ставят вопрос о выработке понятия экстремизма, соответствующего современным реалиям и потребностям» [68, с. 410].

В связи со сложившейся ситуаций в российском уголовном праве к уголовным правонарушениям экстремистской направленности отнесены очень большое количество преступлений.

Во-первых, это сами по себе уголовно наказуемые самостоятельные проявления экстремизма. Это преступления, предусмотренные ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», 282-1 «Организация экстремистского сообщества», 282-2 «Организация деятельности экстремистской организации». В указанных правонарушениях проявление экстремизма наблюдается большей концентрации.

Во-вторых, в ст. 282-1 УК РФ законодатель указывает на ряд преступлений как на деяния, посредством совершения которых осуществляется экстремистская деятельность. В данной норме имеется указание на преступления, предусмотренные ст. 148 «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий», 149 «Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них», 213 «Хулиганство», 214 «Вандализм», 243 «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры» и 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения».

В-третьих, экстремизм по своей сути представляет идейный и духовный источник терроризма [69, с. 210], в котором, в свою очередь, проявляется самая опасная форма экстремизма. Именно поэтому к преступлениям экстремистской направленности необходимо причислить: террористический акт (ст. 205 УК РФ); содействие террористической деятельности (ст. 205-1 УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма (ст. 205-2 УК РФ).

В-четвертых, группе преступлений экстремистской направленности необходимо причислить, так называемые, сопутствующие уголовные правонарушения, которые обычно, способствуют облегчению совершения других преступлений (в частности, вышеуказанных). К таким преступлениям следует отнести: убийство (ст. 105 УК РФ); причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 111, 112 и 115 УК РФ); истязание (ст. 117 УК РФ); похищение человека (ст. 126 УК РФ); незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ); торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ); использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ); клевету (ст. 129 УК РФ); оскорбление (ст. 130 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ); захват заложника (ст. 206 УК РФ); организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ); бандитизм (ст. 209 УК РФ); организацию преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта, либо железнодорожного состава (ст. 211 УК РФ); массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ); незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ); хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ); незаконные приобретение, передача, сбыт хранение, перевозку или ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 222 УК РФ); незаконное изготовление оружия (ст. 223 УК РФ); хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ); надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов (ст.

317 УК РФ); применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ); подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ); наемничество (ст. 359 УК РФ).

В-пятых, в связи с криминализацией отдельных деяний экстремистского характера уголовный закон очень скрупулезно подвергает анализу экстремистскую мотивацию любых преступлений, признавая мотив национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды обстоятельством, отягчающим наказание (п. «е» ст. 63 УК РФ). Кроме этого, данный мотив предусмотрен в преступлениях против жизни и здоровья в качестве квалифицирующих признаков (ст. ст. 105 ч. 2 п. «л», 111 ч. 2 п. «е», 112 ч. 2 п. «е», 115 ч. 2 п. «б», 116 ч. 2 п. «б», 117 ч. 2 п. «з», 119 ч. 2, 213 ч. 1 п. «б», 214 ч. 2 УК РФ.).

Разумеется, что такой широкий охват уголовных правонарушений не соответствует истинному положению вещей. Поэтому такая законодательная трактовка преступлений, относимых к экстремистским, вызывает огромное количество критики со стороны ученых и практикующих юристов.

Существует мнение юристов, что, безусловно данное решение , юридически несостоятельна, так как дает огромные возможности для ее расширительного толкования или, проще говоря — для произвола» [70, с. 201].

В Республике Беларусь на законодательном уровне нет определения экстремистских преступлений. Законом Республики Беларусь от 20 апреля 2016 г. № 358-З о внесении дополнений и изменений в некоторые законы Беларуси внесены существенные изменения и дополнения в Уголовный кодекс Республики Беларусь по вопросам пресечения экстремизма в виде введение статей 361 УК РБ «Создание экстремистского формирования» и 361 - «Финансирование деятельности экстремистского формирования».

Статья 361 УК РБ предусматривает поощрительную норму, закрепленную в примечании к этой статье. Лицо освобождается от уголовного преследования при условии способствовании им раскрытию экстремистского деяния или предотвращению либо пресечению этой деятельности.

Под финансированием деятельности экстремистского формирования по законодательству РБ понимается предоставление или сбор денежных средств, ценных бумаг либо иного имущества, в том числе имущественных прав и исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, любым способом для заведомого обеспечения деятельности экстремистского формирования.

Таким образом в УК Беларусь всего две статьи, предусматривающие уголовную ответственность за экстремистские преступления.

При рассмотрении уголовного законодательства Украины в области противодействия экстремистской деятельности следует отметить, что статьи УК, предусматривающей уголовную ответственность за экстремистские преступления, нет. Соответственно, нет и определения экстремистских

преступлений. В рассматриваемом ракурсе можно только отметить ч. 2 ст. 109 УК Украины устанавливающую ответственность за «публичные призывы к насильственному изменению либо свержению конституционного строя или к захвату государственной власти, а также распространение материалов с призывами к совершению таких действий» [71, с. 1]. Данную норму с позиции казахстанского законодательства можно отнести к антиэкстремистской.

Часть 1 ст. 110.2 УК Украины устанавливает ответственность за финансирование действий, совершенных с целью изменения границ территории или государственной границы Украины в нарушение порядка, установленного Конституцией Украины. Данное деяние наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет и с конфискацией имущества.

Часть 2 ст. 110.2 УК Украины устанавливает ответственность за финансирование действий, совершенных с целью насильственного изменения или свержения конституционного строя или захвата государственной власти. Данное деяние наказывается лишением свободы на срок от пяти до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет и с конфискацией имущества.

В уголовном законодательстве Грузии мы не обнаружили термина «экстремизм» и, соответственно, каких-либо нормативных разъяснений данного понятия.

Состав, который по своему содержанию с позиции казахстанского законодателя можно было бы отнести к антиэкстремистским, предусмотрен ст.317 УК Грузии - призывы к насильственному изменению конституционного строя или свержению государственной власти Грузии.

По такому же принципу можно вычлнить составы уголовных правонарушений, предусмотренные статьями 404 - планирование, подготовка, начало осуществления или совершение акта агрессии и 405 - призывы к планированию, подготовке, началу осуществления или совершению акта агрессии.

Особо следует выделить статью 408 УК Грузии, так как диспозиция этой статьи, на наш взгляд, в большей степени подходит под определение экстремизма в нашем понимании. Так эта статья предусматривает уголовную ответственность за «преступление против человечности, то есть любое деяние, совершенное в пределах широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население или гражданских лиц, выразившееся в убийстве, массовом истреблении, причинении тяжкого вреда здоровью, депортации, незаконном ограничении свободы, пытках, изнасиловании, обращении в сексуальное рабство, принуждении к проституции, принудительной беременности, принудительной стерилизации людей, преследовании группы лиц по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, половым или иным признакам, апартеиде и иных антигуманных

деяниях, причиняющих серьезный вред физическому или(и) психическому состоянию человека» [72, с. 1].

Уголовное законодательство Узбекистана также не содержит понятия «экстремистские преступления». Мы не обнаружили систематизации уголовных правонарушений данной категории. Так, например, в главе VIII. Под названием «Преступления против мира и безопасности человечества» мы обнаружили ст. 156, которая по своему содержанию подпадает под характеристику экстремистских, так как предусматривает уголовную ответственность за возбуждение национальной, расовой, этнической или религиозной вражды.

Однако другие правонарушения, которые, по нашему мнению, также следует признать экстремистскими, размещены в главе XVII под наименованием «Преступления против общественной безопасности» - это:

- статья 244-1 «Изготовление, хранение, распространение или демонстрация материалов, содержащих угрозу общественной безопасности и общественному порядку»;

- статья 244-2 «Создание, руководство, участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях»;

- статья 244-3 «Незаконное изготовление, хранение, ввоз или распространение материалов религиозного содержания».

Из всех перечисленных статей УК Узбекистана наиболее ярко выраженный антиэкстремистский характер заключен в статье 244-1, так как предусматривает ответственность за:

- «- изготовление или хранение с целью распространения материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма, призывы к погромам или насильственному выселению граждан либо направленных на создание паники среди населения, а также изготовление, хранение с целью распространения либо демонстрации атрибутики или символики религиозно-экстремистских, террористических организаций;

- распространение в любой форме сведений и материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма, призывы к погромам или насильственному выселению граждан либо направленных на создание паники среди населения, а равно использование религии в целях нарушения гражданского согласия, распространения клеветнических, дестабилизирующих обстановку измышлений и совершения иных деяний, направленных против установленных правил поведения в обществе и общественной безопасности, а также распространение либо демонстрация атрибутики или символики религиозно-экстремистских, террористических организаций» [73, с. 1].

Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2016 года не содержит определения экстремистских преступлений и соответственно, их перечня. Мы

полагаем, что нормы, предусматривающие уголовную ответственность за экстремистские преступления, сосредоточены в следующих статьях:

- 310. Публичные призывы к насильственному захвату власти
- 313. Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни)
- 314. Создание экстремистской организации
- 315. Изготовление, распространение экстремистских материалов.

Уголовный закон Армении не содержит статью, предусматривающую уголовную ответственность за экстремизм. Исходя из нашего понимания экстремистских преступлений, к таковым можно отнести две статьи, находящиеся в разных главах УК Армении. Так в главе «Преступления против общественной безопасности» размещена статья 226, предусматривающая ответственность за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. В главе под названием «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государств» размещена ст. 301. «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Армения».

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.10.2020 г.) не содержит не только определения экстремистских преступлений, но и преступления под таким наименованием.

Вполне определенно мы может отнести к рассматриваемой категории преступления, предусмотренные статьями:

- « -111- Расовая дискриминация (апартеид);
- 281- Публичные призывы, направленные против государства
- 283- Возбуждение национальной, расовой, социальной или религиозной ненависти и вражды» [74, с. 1].

Однако, помимо этого, по нашему мнению, можно отнести к экстремистским преступления, которых нет в уголовном законе других государств бывшего СССР. К таковым относятся следующие статьи УК Азербайджана:

- «- 167-1 - Принуждение к вероисповедованию или финансирование совершения этих деяний на почве религиозной вражды, религиозного радикализма или религиозного фанатизма;
- 167-2 - Незаконное производство, ввоз, продажа или распространение литературы, аудио- и видеоматериалов, товаров и изделий религиозного назначения и иных информационных материалов религиозного содержания;
- 168 - Посягательство на права граждан под предлогом совершения религиозных обрядов;
- 168-1 - Нарушение требований ведения религиозной пропаганды, проведения религиозных обрядов и ритуалов» [74, с. 1].

Таким образом ознакомление с уголовным законодательством стран бывшего СССР (ближнее зарубежье) показало, что определение экстремистских преступлений не закреплено ни в одном из них.

Причем, наблюдаются два диаметрально противоположные друг другу ситуации – это более расширенное толкование понятия экстремистских преступлений и полное отсутствие такого толкования. Так, использование определения «преступления экстремистской направленности» законодательством Российской Федерации привели к чрезмерному расширению перечня уголовных правонарушений, относимых к данной группе. Это в свою очередь, привело к размыванию границ между различными видами правонарушений. В результате, в категорию экстремистских преступлений попали так называемые общеуголовные правонарушения и т.д.

Критика сложившейся ситуации в российском уголовно-правовом поле возрастает, что, на наш взгляд, должно привести к законодательному разрешению возникшей проблемы.

С другой стороны, наблюдается полное отсутствие даже упоминания об экстремизме в уголовных законах, например, Армении, Азербайджана, Украины.

Вычленение отдельных преступлений, предусмотренных статьями уголовного закона этих государств в качестве экстремистских, мы сделали на основе дефиниций, закрепленных в международных правовых актах, а также по аналогии с законодательством нашей республики, Российской Федерации, Республики Беларусь.

Разрешение международных проблем, связанных с противодействием экстремизму невозможно решить усилиями лишь отдельных государств, либо на уровне только лишь международных организаций. Законодательства всех государств мира должны включать уголовно-правовые меры противостояния данному явлению. В этой связи необходимо рассмотреть законодательства ведущих государств дальнего зарубежья с целью анализа их уголовно-правовых мер противодействия экстремизму.

Статья 312 УК Турции изложена в следующей редакции. Лицо, публично восхваляющее или одобряющее совершение преступления или подстрекающее народ к неповиновению законам, наказывается заключением на срок от шести месяцев до двух лет. Лицо, публично подстрекающее народ к вражде или взаимной ненависти из-за социальных, классовых расовых, религиозных (сектовых) или региональных различий, которая может создать угрозу для общественной безопасности наказывается заключением на срок от одного года до трех лет.

По сути, данная статья устанавливает уголовную ответственность за экстремистскую деятельность.

В статье 313 УК Турции указано что лица, за организацию вооруженного мятежа наказываются на срок от пятнадцати до двадцати лет.

В ст. 314 УК Турции, лица предоставляющие укрытие, оружие или снаряжение членам преступной организации, также несут наказание в виде лишения свободы от 10 до 15 лет [75, с. 1]

В Испании противодействию экстремизма на законодательном уровне уделено мало внимания. Это объясняется тем, что им постоянно досаждают баскские сепаратистские террористические организации «Эскауди та Аскатасуна» (ЭТА). В этой связи у них приобрели почти синонимичное значение такие понятия, как «вооруженная банда», «террористическая организация», «мятежная организация». Поэтому в центре законодательного внимания больше оказывается терроризм, чем экстремизм.

В уголовном кодексе Испании от 1995 года единственная норма, посвященная борьбе с экстремизмом – это п.5 ст.515, где установлено, что уголовной ответственности подлежат незаконные объединения, «пропагандирующих дискриминацию, ненависть либо провоцирующих насилие в отношении отдельных лиц, групп или объединений по причине идеологических, религиозных различий, принадлежности их членов к определенной национальности, расе или этнической общности, полу, сексуальной ориентации, семейному положению, по заболеванию» [76, с. 1].

Юриспруденция США не использует термин «экстремизм». Лексическую нагрузку данного термина выполняет другой термин «преступления на почве ненависти» (Hate Crimes). К таковым преступлениям относят правонарушения против личности, «совершаемых под влиянием ненависти к лицам иной расы или национальности, вероисповедания, этнического происхождения, политических убеждений, пола и сексуальной ориентации» [77, с. 18].

Примерный Уголовный кодекс США содержит ряд статей, посвященных экстремистским составам, в частности:

- «- публичное вызывание вражды по мотиву религиозной, расовой, национальной, политической ненависти (статья 8.30);
- организация и руководство экстремистским сообществом (статья 8.40);
- подготовка и подстрекательство к актам терроризма, насилия и агрессии (статья 8.50);
- причастность к финансированию экстремистской деятельности (статья 8.60);
- осуществление сделок для обеспечения экстремистской деятельности (статья 8.70)» [78, с. 1].

Примерный Уголовный кодекс США является правовой базой для уголовных кодексов штатов. Поэтому в них содержатся аналогичные статьи. «Например, статьей 9А.32.070 Уголовного кодекса штата Вашингтон установлена ответственность за убийство двух и более лиц по мотиву расовой, национальной, религиозной ненависти» [79, с. 1].

Аналогичная норма присутствует в Уголовном кодексе штата Нью-Йорк [80, с. 1].

В большинстве штатов уголовное законодательство ответственность за совершение тяжких экстремистских правонарушений предусмотрена в виде смертной казни, которому альтернативой может быть только пожизненное

лишение свободы[81, с. 114]. Для назначения смертной казни в виде уголовного наказания согласно примерного Уголовного кодекса США необходимо наличие целого ряда условий. Так, в 2006 году четыре человека были приговорены к указанной высшей мере наказания по приговору штата Калифорния за совершение убийства по мотиву расовой[82, с. 1].

После известных событий 11 сентября 2001 года в США был принят новый закон «О борьбе с терроризмом» [83, с. 1]. В соответствии с этим правовым актом были приняты меры по ужесточению миграционной политики, а также пересмотрен перечень экстремистских правонарушений. Данный перечень был дополнен, а также было ужесточено наказание за совершение экстремистских преступлений[84, с. 31].

В текущий период законодательство США за совершение уголовных правонарушений, отнесенных к экстремистским, минимальное наказание составляет 6 лет лишения свободы[85, с. 43].

Уголовно-правовое противодействие экстремизму во Франции проявилось в назначении уголовного наказания за совершение следующих экстремистских деяний:

- агитация и разжигание вражды;
- создание экстремистских организаций;
- руководство экстремистскими организациями;
- приготовление и подстрекательство к актам терроризма;
- активное и пассивное содействие к финансированию экстремистской деятельности;
- осуществление сделок, нацеленных на привлечение материальных средств для нужд экстремизма.

Тождественные составы преступлений закреплены в уголовных законах Дании и Нидерландов[86, с. 1].

Уголовное законодательство Германии, направленное на борьбу с экстремизмом имеет некоторые отличительные черты. Главное отличие сконцентрировано в параграфе 130 Уголовного кодекса ФРГ под наименованием «подстрекательство против народа». В сущности, редакция указанной статьи включает в себе определение экстремистской деятельности, поскольку в ней закреплены такие элементы экстремистской деятельности, как:

- разжигании ненависти к части населения, переросшие в нарушение общественного порядка;
- призывах к совершению насилия или произвола;
- посягательстве на человеческое достоинство таким образом, что он унижает достоинство части населения, злонамеренно порочит или клеветает на него.

Кроме того, параграф 129А предусматривает уголовное наказание за организацию сообществ, нацеленных на:

1. тяжкое убийство, убийство или геноцид;
2. преступные деяния против свободы человека[87, с. 1].

29 августа 2015 г. В Китае были введены Поправки к Уголовному кодексу КНР (№ 9), далее – Поправки к УК КНР (№ 9). Данными поправками УК Китая пополнился пяти составами уголовных правонарушений, признаваемыми экстремистскими и предусматривающими совершение следующих деяний:

«- подготовительные действия, как приготовление оружия, организация обучения и зарубежные контакты с целью осуществления террористической деятельности;

- деяния, связанные с пропагандой терроризма, экстремизма, призывами к осуществлению террористической деятельности, которые могут осуществляться путём изготовления, распространения литературы, аудио и видеоматериалов или иных предметов, пропагандирующих терроризм, экстремизм, а также пропаганда этих идей путём лекций, публикации информации;

- деяние, связанное с побуждением, понуждением народных масс при помощи экстремизма к подрыву национальной правовой системы, которое совершается посредством нарушения регламентированных национальным законодательством институтов брака, юстиции, образования, общественного регулирования;

- деяния, выразившиеся в понуждении других лиц к ношению одежды, знаков, пропагандирующих терроризм, экстремизм путём насилия, угроз к ношению в общественных местах одежды, украшений и знаков, пропагандирующих терроризм, экстремизм;

- деяния, выразившиеся во владение предметами, заведомо пропагандирующими терроризм, экстремизм, которыми могут быть книги, аудио и видеоматериалы или иные предметы, заведомо пропагандирующие терроризм и экстремизм, при отягчающих обстоятельствах» [88, с. 93].

В юриспруденции Чешской Республики принято понятие "преступление с экстремистским контекстом", которыми признаются уголовные правонарушения, мотивированные экстремистскими позициями.

Данные правонарушения подразумевают поведение, которое *a priori* совершено по мотивам ненавистью к расе, национальности, религии, классу или иной социальной группе, в отношении которых совершено нападение.

«В соответствии с УК ЧР совершение преступления в связи с политическими убеждениями жертвы, ее расой, нацией, этнической принадлежностью, религией или отсутствием у жертвы религиозных верований признается квалифицирующим признаком для следующих преступлений:

- 1) насилие в отношении группы людей или отдельных лиц;
- 2) убийство;
- 3) причинение вреда здоровью;
- 4) причинение тяжкого телесного повреждения;
- 5) вымогательство;
- 6) причинение ущерба имуществу другого лица;
- 7) истязание и иное нечеловеческое и жестокое обращение;

- 8) неправомерное лишение свободы;
- 9) незаконное ограничение свободы;
- 10) похищение человека;
- 11) шантаж (blackmail);
- 12) злоупотребление властью должностным лицом»[89, стр. 13-14].

Таким образом проведенный анализ законодательства стран ближнего и дальнего зарубежья позволяет нам прийти к следующим выводам.

В государствах бывшего СССР или стран ближнего зарубежья наблюдается отсутствие систематизации составов правонарушений, объединяемых общим названием – экстремистские. Правонарушения, которые следует признать экстремистскими, размещены в совершенно разных главах УК.

В большинстве этих государств отсутствует определение экстремистских преступлений.

В некоторых государствах (Грузия, Армения, Азербайджан) уголовное законодательство даже не употребляет термина «экстремизм».

Такое положение вещей, видимо, следует объяснять тем, что эти государства входили в состав СССР, где благодаря тоталитарному режиму не было необходимости в создании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за правонарушения рассматриваемого вида.

Однако, со времени приобретения бывшими республиками СССР самостоятельности прошло достаточно времени, чтобы в соответствии с потребностями настоящего времени устранить этот законодательный пробел.

В данном контексте мы невольно обращаем внимание на то, что в сравнении с нашими соседями – государствами ближнего зарубежья, уголовно-правовое регулирование в части регламентации уголовной ответственности за экстремистские правонарушения в Республики Казахстан находится на более высоком уровне.

Уголовное законодательство государств дальнего зарубежья также выгодно отличается от законодательства стран ближнего зарубежья. Их регламентация уголовной ответственности за экстремистские преступления в большей степени ориентированы на международные правовые акты, содержащие рекомендации, как по определению экстремизма и экстремистских преступлений, так и по способам борьбы с нею.

Глава II. Уголовно-правовая характеристика экстремистских преступлений

2.1. Объективные признаки экстремистских преступлений

В уголовно-правовой науке принято рассмотрение уголовного правонарушения в комплексе объективных и субъективных признаков. Объективная сторона преступления заключена в совокупности признаков, характеризующих внешнюю сторону преступного деяния, и получивших отражение в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Объективная сторона преступления представляет собой внешний акт преступного поведения, протекающий в условиях определенного места, времени и обстановки[90, с. 120].

М. И. Ковалев отмечает: «Объективная сторона состава преступления — это совокупность юридически значимых признаков, характеризующих внешнюю сторону преступного деяния»[91, с. 145].

Отличительные признаки объективной стороны, главным образом самих действий или бездействия и последовавших за этим опасных последствий, а также содержание этих последствий и их конструкция определяют применяемые способы описания в соответствующих статьях УК признаков всего правонарушения. При описании объективной стороны в статьях Особенной части обозначаются признаки, требуемые для видовой индивидуализации деяния. Это дает возможность разграничивать различные правонарушения, похожие по объекту, субъекту, субъективной стороне. Исследование законодателем, практикой и наукой объективных признаков поведения людей позволяет установить повторяющиеся вредные для общества виды поведения и на этой основе признать их уголовным правонарушением.

Особое значение определение объективных признаков уголовного правонарушения приобретает при разграничении деяний, посягающих на один и тот же объект и имеющих одинаковую форму вины. Так, различные виды хищений можно разграничить только по признакам объективной стороны. Кража (ст. 188 УК), мошенничество (ст. 190 УК), грабеж (ст. 191 УК) посягают на один и тот же объект, совершаются умышленно, с корыстной целью, субъект у них общий. Разграничить эти преступления и, следовательно, правильно применить закон можно лишь по признакам объективной стороны, которая по-разному описывается в названных статьях.

Из сказанного следует, что объективные отличительные свойства, обуславливая состав уголовного правонарушения, тем самым обозначают и те пределы посягательства, в рамках которых устанавливается ответственность за то или иное конкретное преступление.

К числу признаков объективной стороны относятся:

- действие или бездействие, посягающее на тот или иной объект;
- общественно опасные последствия;

- причинная связь между действием (бездействием) и последствиями;
- способ, место, время, обстановка, средства и орудия совершения преступления.

Родовым объектом экстремистских правонарушений выступают общественные отношения, которые обеспечивают нормальное функционирование государственной власти.

Видовым объектом экстремистских преступлений выступают общественные отношения, посредством которых обеспечиваются безопасность государства и существующего конституционного строя.

Как известно, уголовные правонарушения в УК РК объединены в определенные главы с учетом общего объекта посягательств. Однако, экстремистские правонарушения расположены в разных главах. Так, часть из них сосредоточена в главе 5 - «Уголовные правонарушения против основ конституционного строя и безопасности государства», другие размещены в главе 10 - «Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка», а такое экстремистское преступление, предусмотренное ст.174 «Разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни», находится в главе 4 - «Преступления против мира и безопасности человечества».

При совершении экстремистских преступлений общим объектом посягательств будут положения, закрепленные в ч.3 ст.5 Конституции РК, которые гласят: «Запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности Республики, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни, а также создание не предусмотренных законодательством военизированных формирований» [92].

Непосредственный объект посягательств при совершении преступлений, признаваемых экстремистскими, различается.

Так, непосредственным основным объектом деяний, образующих состав правонарушения, предусмотренного ст.174 УК будут конституционные права человека и гражданина на равенство вне зависимости от «происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам» (ст.14 Конституции РК).

Дополнительным объектом при совершении деяний, предусмотренных второй и третьей частями ст.174, будут жизнь и здоровье человека.

При совершении этих правонарушений лицом с использованием своего служебного положения либо лидером общественного объединения дополнительным непосредственным объектом будут признаны общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственной службы, службы в органах местного самоуправления, а также деятельности общественных объединений.

Основным непосредственным объектом диверсии (ст.184 УК) является общественная безопасность, экономическая безопасность и обороноспособность Республики Казахстан. Дополнительным непосредственным объектом будут признаны жизнь и здоровье людей.

По нашему мнению, в целом, невзирая на некоторые отличия в основном непосредственном и дополнительном непосредственном объекте, экстремистские преступления объединяет общая направленность на причинение вреда сложившимся правоотношениям, в которых реализуется нормативно определенный порядок управления, территориальная неприкосновенность, отправление правосудия, политическое устройство, безопасность человеческого сообщества, включающие право человека на жизнь, здоровье, свободу, благополучие и на их неприкосновенность.

Предмет экстремистских преступлений также может различаться. Например, при совершении диверсии (ст.184 УК) в качестве предмета преступления могут быть признаны предприятия, сооружения, различные объекты жизнеобеспечения населения и т.д.

Следует отметить, что для некоторых экстремистских правонарушений предмет преступления имеет существенное правовое значение. Например, для преступления, предусмотренного ст.179 УК - Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан. Данное преступление может быть совершено путем распространения листовок, рассылки электронных сообщений.

Такое же правовое значение имеют предметы преступления, предусмотренные ст.180 УК РК - сепаратистская деятельность, поскольку пропаганда или публичные призывы к нарушению унитарности и целостности Республики Казахстан может осуществляться посредством распространения соответствующих материалов в виде публикаций, брошюр, листовок и т.д.

По объективной стороне экстремистские преступления относятся к преступлениям с формальным составом. Исключением будет являться состав, предусмотренный ч.3 ст.174 УК, так как эти преступления будут считаться оконченными при наступлении тяжких последствий для здоровья потерпевшего.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений предполагает деяния в форме активных действий.

Основной состав преступлений, предусмотренных ст.174 УК РК предусматривает совершение умышленных действий, направленных на:

- разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни;
- оскорбление национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан;

- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, сословной, национальной, родовой или расовой принадлежности.

Указанные деяния могут быть совершены:

- публично;
- использованием средств массовой информации или сетей телекоммуникаций;
- путем изготовления или распространения литературы или иных носителей информации, пропагандирующих социальную, национальную, родовую, расовую, сословную или религиозную рознь.

В соответствии с разъяснениями Верховного суда РК публичными признаются «обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки электронных сообщений»[93, с.1].

Средствами массовой информации являются - периодическое печатное издание, теле-, радиоканал, кинодокументалистика, аудиовизуальная запись и иная форма периодического или непрерывного публичного распространения массовой информации, включая интернет-ресурсы[94].

Изготовление предполагает составление текста соответствующего содержания и его перенос на различные носители информации. Таковыми могут быть бумажные носители в виде книг, брошюр, листовки, календарей и т.д. Электронными носителями в настоящее время выступают самые разнообразные электронные приспособления.

Распространение предполагает пересылку по почте, в том числе и электронной, раздачу в местах массового скопления людей и т.д.

Следует отметить, что описанные выше физические действия сами по себе не раскрывают сущности данных преступлений. Юридическое наполнение этих действий приобретает характер общественно опасного деяния в связи с содержанием того, что распространяется виновными лицами. Именно содержание речей при публичных выступлениях, распространяемых сообщений, публикаций в СМИ способствуют разжиганию социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни.

При определении действий, заключающихся в оскорблении национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан, по словам С.В. Борисова, «важно чтобы все действия, в том числе содержание речей, жесты, демонстраций рисунков, карикатур, кино - или видеофильмов, аудиозаписей, и иных подобных деяний были обращены против расовой, половой, языковой принадлежности одного или нескольких лиц (как минимум двух), а равно их происхождение, отношение к религии либо принадлежность к какой-либо социальной группе, вызывали у виновных неприязненное, оскорбительное к ним отношение, и таким образом унижали достоинство

потерпевших, под которой понимается внутренняя самооценка с учетом присутствия у них указанных признаков» [95, с.148].

Статья 179 УК РК предусматривает уголовную ответственность за пропаганду и публичные призывы к:

- насильственному захвату власти;
- насильственному удержанию власти;
- подрыву безопасности государства;
- насильственному изменению конституционного строя Республики Казахстан;

Казахстан;

- изготовление, хранение с целью распространения материалов, направленных на пропаганду или призывы к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти, подрыву безопасности государства, насильственному изменению конституционного строя Республики Казахстан;

- распространения материалов, направленных на пропаганду или призывы к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти, подрыву безопасности государства, насильственному изменению конституционного строя Республики Казахстан.

Действия, направленные на пропаганду и публичные призывы к насильственному захвату власти, могут заключаться в пропаганде и публичных призывах либо к физическому уничтожению лиц, законно реализующих властные полномочия, либо к их принудительной изоляции, с последующим самопровозглашением на их месте тех, кто осуществляет противоправные действия.

Призывы и пропаганда могут быть направлены на захват одной из трех ветвей власти, либо могут быть нацелены на захват всех трех ветвей власти.

Когда речь идет об удержании власти, то предполагается, что конституционная власть уже захвачена, а противоправные деяния направлены на сохранение неконституционно захваченной власти.

«Изменение конституционного строя выражается в изменении структуры государственной власти, упразднении одних институтов власти (например, отменен поста президента) и введении новых, сужении демократических начал государственного управления и принятии решений, принятии насильственным путем новой «конституции» с существенными деформациями прав и свобод личности» [96, с.43-44].

Призыв по своей сути - есть обращение к определенному лицу либо кругу лиц с побуждением к непосредственному действию. Посредством призыва оказывается воздействие на сознание и волю членов аудитории. Применительно к рассматриваемому преступлению посредством призыва виновные желают побудить народ к участию в мерах, нацеленных на насильственный захват власти, насильственное удержание власти, подрыв безопасности государства, насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан.

Правовое значение имеет публичный характер призывов. Публичность означает доступность для широкой аудитории. В качестве таковых может быть толпа людей на митинге, собрании, в зрелищных сооружениях, средствах массовой информации и т.д.

Особое правовое значение имеет призыв к насильственному захвату, удержанию власти или изменению конституционного строя.

Призыв лица к изменению конституционного строя без применения насилия не может образовывать состав рассматриваемого преступления, поскольку свободно излагать свое мнение, в том числе и по государственному устройству, имеют права все граждане.

В первой и второй частях ст.179 УК речь идет о пропаганде и призывах, а вот третья часть устанавливает уголовную ответственность за «действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Республики Казахстан либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан» [41].

В данном случае преступление предполагает непосредственные действия по насильственному захвату, удержанию власти, изменению конституционного строя республики. Деяния подразумевает насилие, то есть физическое воздействие на представителей власти, которое может выражаться в причинении телесных повреждений, силовом удержании и изоляции, физическом отстранении от общества, и даже убийстве государственных деятелей.

Объективная сторона сепаратистской деятельности, предусмотренной ст.180 УК, во многом совпадает с объективной стороной, предыдущего преступления. Различие состоит в объекте посягательства. При осуществлении сепаратистской деятельности деяния правонарушителей преследуют цели по нарушению унитарности и целостности Республики Казахстан, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, а также интеграции государства.

Первые две части ст.180 УК предусматривают уголовную ответственность за пропаганду и призывы к нарушению унитарности и целостности Республики Казахстан, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, а также дезинтеграции государства.

Третья часть ст.180 УК предусматривает уголовную ответственность уже за действия, направленные на нарушение унитарности и целостности Республики Казахстан, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, а также дезинтеграции государства.

Статья 181 УК РК предусматривает уголовную ответственность за посягательства на объекты, о которых говорилось в рассмотренных нами выше преступлениях, но уже совершаемые не посредством пропаганды, призывов или насильственных действий, а путем организации вооруженного мятежа (часть 1 ст.181 УК) либо участия в вооруженном мятеже (ч.2 ст.181 УК).

Характеристика объективной стороны данного преступления вызывает некоторые затруднения. Это обусловлено тем, что нет нормативного определения понятия «вооруженного мятежа» или, хотя бы, просто «мятежа». Поэтому сложно определить посредством каких конкретно действий должен быть организован вооруженный мятеж.

Единственным правовым актом, в котором говорится о вооруженности является Нормативное Постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 года «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие уголовные правонарушения, совершенные в соучастии».

Исходя из его положений можно вывести, что вооруженность выражается в наличие у виновных «огнестрельного или холодного оружия как заводского изготовления, так и самодельного, взрывчатых устройств, а также газового и пневматического оружия» [97, с. 1].

Трудно согласиться с тем, что эти положения могут быть применимы к определению вооруженного мятежа, так как, масштаб мятежа не может быть обеспечен холодным, газовым и пневматическим оружием, а тем более «наличием оружия хотя бы у одного из участников», как сказано в постановлении.

Если обратиться к правовой литературе, то можно обнаружить следующие суждения по поводу определения понятия «мятежа» и «вооруженного мятежа».

Так, некоторые ученые определяют мятеж как «активную, насильственную, совершаемую с применением или угрозой применения оружия деятельность широкого круга лиц, направленную на свержение, изменение конституционного строя либо нарушение территориальной целостности государства» [98, с. 32].

Вторая группа ученых акцентируют внимание на том, что «мятеж представляет собой обычное стихийное восстание, а является спровоцированным, руководимым вооруженным противостоянием законной власти, конституционного строя и территориальной целостности государства» [99, с. 147].

Третьи – делают акцент на том, что «мятеж состоит из действий, которые заблаговременно продуманны, профессионально распланированы. Всегда вооруженное выступление мятежников может состояться только при наличии предшествующей профессиональной и тщательной подготовки» [100, с. 207].

С. В. Дьяков считает, что «вооруженность предусматривает, что организованная группа лиц, совершающих противоправные действия, владеет оружием и имеет реальную возможность его применения» [101, с. 64].

П.В. Агапов полагает, что «правильность рассматриваемого утверждения следует объяснить спецификой вооруженного мятежа как общественно опасного деяния, реализация которого возможна при условии объединения усилий множества лиц, а также применении для достижения своих

противоправных целей определенным арсенал предметов вооружения» [102, с. 67].

Нам импонирует определение, сформулированное А.Г. Хлебушкиным: «Вооруженный мятеж выражается в совместных массовых действиях, осуществляемых против действующей легитимной власти и установленного государственного (конституционного) строя. В процессе осуществления которых для достижения незаконных целей используется оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства. Вооруженность означает наличие у значительной части участников мятежа указанных предметов, а также военной техники с вооружением (бронетранспортеров, танков, боевых вертолетов и самолетов и т. п.). Под применением оружия следует понимать воздействие, основанное на использовании его поражающих свойств, а также угрозу оружием» [103, с. 674].

На основе приведенных определений можно вычленил наиболее существенные признаки вооруженного мятежа, среди которых следующие:

- массовая совместная деятельность участников;
- эта активная, насильственная деятельность;
- организованное вооруженное выступление;
- продуманные, спланированные и профессиональные действия;
- наличие у значительной части мятежников оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также военной техники с вооружением (бронетранспортеров, танков, боевых вертолетов и самолетов и т. п.);
- воздействие, осуществляемое путем применения поражающих свойств вооружения, а также угроза таким воздействием;
- направлена на свержение, изменение конституционного строя либо нарушение территориальной целостности государства.

По нашему мнению, целесообразно в Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о террористических и экстремистских преступлениях» закрепить е определение вооруженного мятежа в следующей редакции: «Вооруженный мятеж – это массовое организованное вооруженное выступление с воздействием или угрозой воздействия поражающих свойств вооружения, имеющегося у значительной части участников в виде оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также военной техники с вооружением (бронетранспортеров, танков, боевых вертолетов и самолетов и т. п.) в целях свержения, изменения конституционного строя либо нарушения территориальной целостности Республики Казахстан».

Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст.182 УК состоит в создании экстремистской группы т руководстве им. В соответствии с пунктом 40) ст.3 УК РК «экстремистская группа – организованная группа,

преследующая цель совершения одного или нескольких экстремистских преступлений» [41].

Состав данного преступления формальный, то есть оно признается оконченным с момента фактического формирования группы. Моментом формирования группы будет признан момент объединения нескольких лиц в группу.

Создание подразумевает подбор единомышленников, их объединение, структурирование, снабжение членов группы общей задачей, целями. К этим же действиям следует отнести подбор помещения для собраний, обеспечение взаимной мобильностью и т.д.

Руководство группой сводится к выполнению управленческих полномочий по отношению ко всей группе, а также отдельных ее участников.

Кроме того, под руководством подразумевается формирование и утверждение планов экстремистской деятельности «распределении преступных обязанностей в группе, руководстве членами группы при совершении отдельных актов терроризма и (или) экстремизма, а также в совершении иных действий, направленных на достижение определенных целей (например, в организации материально-технического обеспечения, в принятии мер безопасности в отношении членов группы)» [94, с. 1].

Объективная сторона диверсии, предусмотренной ст.184 УК являются следующие деяния:

- взрыв;
- поджог;
- иные действия.

«К иным действиям признаются деяния, которые тождественны по деструктивным последствиям со взрывом или поджогом (например устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; разрушение зданий, вокзалов, портов)» [103, с. 672].

Данные деяния «нацелены на массовое уничтожение людей, причинение вреда их здоровью, разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения, а равно совершение в тех же целях массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизоотий» [41].

Причем, приведенные в диспозиции ст.184 УК указанные преступные последствия, не являются основной целью диверсии. Все действия направлены на достижение дальнейшей цели – это причинение вреда безопасности и обороноспособности государства.

Преступление, предусмотренное ст.258 УК существенным образом отличается от всех иных экстремистских преступлений.

Объективные признаки финансирования террористической или экстремистской деятельности и иного пособничества терроризму либо экстремизму состоят в следующих действиях лица, заведомо осознававшим террористический или экстремистский характер деятельности тех, кому

предоставлялось финансирование либо то, что предоставленное имущество, оказанные информационные, финансовые и иного рода услуги будут использованы для осуществления террористической или экстремистской деятельности либо обеспечения террористической или экстремистской группы, террористической или экстремистской организации, незаконного военизированного формирования:

1. предоставление денег и (или) иного имущества;
2. сбор денег и (или) иного имущества;
3. предоставление права на имущество или выгод имущественного характера;
4. дарение;
5. мена;
6. пожертвования;
7. благотворительная помощь;
8. оказание информационных и иного рода услуг;
9. оказание финансовых услуг

Предоставление означает передачу денег и (или) иного имущества собственником в полное распоряжение лицам, занимающимся террористической или экстремистской деятельностью.

Передача денег и (или) иного имущества собственником может осуществляться в различных формах: путем почтового или банковского перевода денежных средств на счета получателей; передача денег из рук в руки либо через посредников. Средства могут быть переданы в виде наличной суммы либо путем использования современных технологий в безналичной форме.

Способ предоставления может быть любым и на квалификацию не влияет. Так, финансирование террористической или экстремистской деятельности и иного пособничества терроризму либо экстремизму может выражаться, например, в периодических переводах или разовом взносе в казну экстремистских объединений материальных средств. Помимо этого, финансирование может состоять в покупке недвижимости или транспортных средств, наем недвижимости, предоставление доступа к сети Интернет лицу, которое, вынашивая умысел на размещение в Интернете материалов, заключающихся в призывах к осуществлению экстремистской деятельности, уже выложило часть экстремистских материалов и продолжает совершать аналогичные действия, охватываемые единым умыслом и направленные к единой цели по дальнейшему их размещению.

На сегодняшний день вполне осуществима безналичная передача денег. Сейчас развита электронная система, посредством которой производятся банковские и иные переводы. Возможна передача наличных денежных средств курьером, а также пересылка оружия, оборудования и материалов для изготовления печатной продукции, и иных материальных средств. В ситуациях, когда в силу специфики предоставляемых при финансировании средств

(например, оружие, взрывчатые вещества и т.п.) данные действия содержат иной состав преступления, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений.

Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о террористических и экстремистских преступлениях» разъясняет, что «финансированием терроризма и экстремизма следует признавать также предоставление или сбор материальных средств, например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи, лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств.

Предоставление денег и (или) иного имущества - это передача денег и (или) иного имущества в распоряжение лицу, совершающему, организовывающему или подготавливающему преступление экстремистской или террористической направленности, а равно экстремистской и террористической группе или организации либо их представителям.

Сбор денег и (или) иного имущества предполагает их приискание, получение, сохранение для последующего финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской и террористической направленности либо для обеспечения деятельности, а равно экстремистской и террористической группы или организации. При этом сбор средств может осуществляться как законным, так и незаконным (в том числе преступным) путем.

Предоставление права на имущество предполагает передачу владельцем своего права на владение и пользование этим имуществом. Право владения дает возможность физического обладания вещью (имуществом), например, какой-либо недвижимостью. Причем мы предполагаем, что предоставление права на недвижимое имущество возможно безвозмездное, либо за небольшую, символическую плату. В связи с тем, что предоставление права на имущество осуществляется в рамках финансирования, то есть материального поддержания экстремистской или террористической деятельности, то получатели права на имущество могут извлекать для себя пользу не только владением, но и использованием предоставленного имущества.

Преступление признается оконченным с момента сбора, передачи (направления) денег, иного имущества или оказания услуг. При этом фактического использования указанных активов в целях, изложенных в диспозиции статьи 258 УК, не требуется» [94, с. 1].

Право пользования дает возможность извлечение материальной выгоды из полезных свойств предоставленного имущества. Например, недвижимое имущество (квартира, офисное помещение) может быть сдано в аренду. Автотранспорт и иное имущество могут быть использованы подобным образом. Оборудование, инструменты в процессе пользования также могут приносить прибыль.

Разумеется, законодатель включил мену в диспозицию ст. 258 УК РК с учетом того, что с целью маскировки виновные могут воспользоваться данным гражданско-правовым институтом с целью финансирования экстремистской или террористической деятельности. Вполне понятно, что в таких случаях мена не будет равноценной. Тем более, никакими нормативно-правовыми актами не оговорено правило о равноценности обмениваемого имущества. Ценность имущества субъектами обмена определяется самостоятельно. Данное обстоятельство может послужить удобной лазейкой для правонарушителей.

Деяния, предусмотренные ст.258 УК РК может быть совершено путем оказания финансовых услуг. Рассмотрим подробнее данное положение.

В Законе Республики Казахстан от 28 августа 2009 года № 191-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», который является основным правовым актом по противодействию финансированию терроризма, в качестве предмета финансирования терроризма финансовая услуга не предусмотрена.

Статья 4 данного закона «Операции с деньгами и (или) иным имуществом, подлежащие финансовому мониторингу» предусматривает различные операции с деньгами и иным имуществом.

В соответствии с п. 6 ст. 1 Закона Республики Казахстан № 474 от 4 июля 2003 г. «О государственном регулировании, контроле и надзоре финансового рынка и финансовых организаций» финансовые услуги – это «деятельность участников страхового рынка, рынка ценных бумаг, добровольного накопительного пенсионного фонда, банковская деятельность, деятельность организаций по проведению отдельных видов банковских операций, осуществляемые на основании лицензий, полученных в соответствии с законодательством Республики Казахстан, а также не подлежащая лицензированию деятельность:

- единого накопительного пенсионного фонда;
- центрального депозитария;
- единого оператора в сфере учета государственного имущества в части осуществления функций номинального держания ценных бумаг, принадлежащих государству или в отношении которых государство имеет имущественные права;
- обществ взаимного страхования» [104].

Таким образом, финансовые услуги в указанных выше видах деятельности имеют форму оперирования денежными средствами. Иначе говоря, результатом указанных финансовых услуг является передача денежных средств.

Следует отметить, что в будущем могут появиться ранее неизвестные способы передачи имущества. В настоящее время прием-передача денег осуществляется дистанционно посредством различных платежных систем.

Например, приговором Экибастузского городского суда Павлодарской области от 20 марта 2014 года по уголовному делу № 1-89 установлено, что

преступная группа, некоторые члены которой находились в Турции, а некоторые в Республике Казахстан, использовали для передачи собранных денежных средств карточный счет № 4054651189994616 АО «БТА Банк», оформленный на имя Петришиной С.Н. Как выяснилось в суде, Петришина С.Н. карточку оформила на своё имя, в первых числах января месяца 2013 года, по просьбе племянницы Петришиной Марии. Племянница пояснила, что она хочет уехать из г.Павлодара и не может оформить банковскую карточку на свое имя и попросила её оформить на свое имя банковскую карточку в АО «БТА Банк». После получения банковской карточки Петришина С.Н. сразу же ее передала Марии, которая вскоре уехала в Турцию[105, с. 1].

Как видно из материалов многих уголовных дел банковские карточки являются наиболее распространенными инструментами при осуществлении приема\передачи денежных средств для финансирования террористической либо экстремистской деятельности.

В этой связи нам представляется интересным опыт Кыргызской Республики.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики в главе 35 «Преступления против общественной безопасности» содержит статью 240 «Финансирование террористической деятельности». Диспозиция данной статьи предусматривает:

«Финансирование террористической деятельности, то есть незаконное предоставление средств, оказание финансовых услуг или осуществление сбора средств любыми методами или способами, прямо или косвенно, с намерением или осознанием того, что средства предназначены или будут использованы полностью или частично для финансирования террориста и (или) террористической организации либо для финансирования, подготовки или совершения террористической деятельности на территории Кыргызской Республики или за ее пределами» [106, с. 1].

Полагаем, что изложение части превоист.258 УК РК в следующей редакции было бы целесообразным: «Финансирование террористической или экстремистской деятельности, то есть предоставление средств, оказание финансовых услуг или осуществление сбора средств любыми методами или способами физическому лицу либо группе лиц, либо юридическому лицу, совершенные лицом, заведомо осознававшим террористический или экстремистский характер их деятельности либо то, что предоставленные средства, оказанные информационные, финансовые и иного рода услуги будут использованы для осуществления террористической или экстремистской деятельности либо обеспечения террористической или экстремистской группы, террористической или экстремистской организации, незаконного военизированного формирования».

Высшая судебная инстанция республики разъясняет, что «необходимо иметь в виду, что деяния, предусмотренные статьями 184 (диверсия), 258 (финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму), 259 (вербовка или

подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности), 260 (прохождение террористической или экстремистской подготовки) УК, отнесены и к экстремистским, и к террористическим преступлениям» [94, с. 1].

Объективную сторону преступлений, предусмотренных ст. 259 УК образуют:

- вербовка лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности;
- подготовка лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности;
- вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности.

Согласно разъяснениям Верховного суда РК под вербовкой следует понимать умышленные действия виновных, имеющих целью формированию у вербуемых лиц желания, стремления и готовности к участию в совершении террористических либо экстремистских преступлений. Вербовка осуществляется с целью организации террористической либо экстремистской деятельности. Вербовка может включать в себя «поиск и вовлечение лиц в террористическую либо экстремистскую деятельность, проведение агитационной работы, включение в список для подготовки к обучению и другое. При этом действия вербующего должны носить активный характер и могут сопровождаться применением психического или физического воздействия» [94, с. 1].

Способы вербовки могут быть самыми различными. В качестве таковых могут выступать убеждение, агитация, уговоры, просьбы, возбуждение чувства мести, обещание денежного вознаграждения. Помимо этого, могут быть использованы угрозы, побои, запугивания, обман и т.д.

Состав вербовки формальный, то есть преступление будет считаться оконченным вне зависимости от таких преступных последствий, как совершение завербованным лицом террористического или экстремистского преступления.

«Подготовка состоит в обучении завербованных лиц правилам обращения с оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, взрывчатыми веществами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой, средствами связи, правилам ведения боевых действий, а также в проведении соответствующих инструктажей, тренировок, стрельб, учений и других действий с целью организации террористической либо экстремистской деятельности в любой форме» [94, с. 1].

Вооружение означает обеспечение завербованных лиц оружием любого вида в целях осуществления экстремистской или террористической деятельности.

Объективная сторона прохождения лицом, в том числе за пределами Республики Казахстан, подготовки, заведомо для обучающегося направленной

на приобретение умений и навыков совершения террористического или экстремистского преступления состоит в активных действиях лица по

- обучению его определенным знаниям;
- овладению практическими умениями и навыками по физической и психологической подготовке;
- изучению способов совершения террористических или экстремистских преступлений;
- изучению правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

Состав преступления, предусмотренного ст.260 УК формальный, то есть преступление признается оконченным с момента, когда виновный принял участие хотя бы в одном занятии. Не имеет правового значения факт того, что приобрел ли обучаемый какие - либо знания, умения и навыки либо нет.

Статья 261 УК предусматривает уголовную ответственность за организацию незаконного военизированного формирования. Объективная сторона данного преступления может выражаться в следующих деяниях:

- созданию незаконного военизированного формирования;
- руководство незаконным военизированным формированием;
- участие в незаконном военизированном формировании.

Нормативного разъяснения того, что понимать под созданием незаконного военизированного формирования нет.

Поэтому мы решили обратиться к Нормативному Постановлению Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 года «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие уголовные правонарушения, совершенные в соучастии».

Разъяснения находящиеся в данном Постановлении применительно к банде, позволяют утверждать, что под созданием незаконного военизированного формирования следует признать совершение всевозможных активных, целенаправленных действий, в результате которых состоялось образование незаконного военизированного формирования. Указанные активные действия могут включать подбор участников, оружия и боеприпасов к ним. Обеспечение участников средствами связи, документами, транспортом и т.д. Создание незаконного военизированного формирования не может обойтись без разработки структуры формирования, построения преступных планов, вербовки своих членов.

Мы солидарны с мнением В. В. Стрюковатого, который считает, что «под созданием можно подразумевать и «переход» законного формирования в незаконное, при условии осуществление такого перехода с нарушением действующего законодательства, а в последующем деятельность такого формирования стала противоречить нормам закона» [107, с. 221].

Руководство незаконным вооруженным формированием есть осуществление управленческих функций, которое предусматривает отдачу приказов, распоряжений, последующий контроль их исполнения и т.д.

По нашему мнению, под участием в незаконном военизированном формировании следует применять те же разъяснения Верховного суда РК, которые даны применительно к участию в террористической или экстремистской группе, где сказано: «Под участием в деятельности группы следует понимать вступление в состав группы (например, принятие присяги, членство в организации, занимающейся террористической и (или) экстремистской деятельностью, выполнение заданий и поручений руководителя группы). Уголовное правонарушение в форме участия лица в группе считается оконченным с момента вступления в состав группы с намерением участвовать в осуществлении террористической и (или) экстремистской деятельности либо в подготовке или совершении одного или нескольких уголовных правонарушений террористической и (или) экстремистской направленности» [94, с. 1].

Создание незаконного военизированного формирования имеет формальный состав, что означает оконченность преступления вне зависимости от наступления тех преступных последствий, для которых они создавались.

Статья 404 УК предусматривает уголовную ответственность за создание, руководство и участие в деятельности незаконных общественных и других объединений.

Объективную сторону данного преступления образуют действия по:

- созданию религиозным или общественным объединением, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершению иных противоправных деяний;

- руководству религиозным или общественным объединением, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершению иных противоправных деяний;

- созданию партий на религиозной основе, либо политической партии или профессионального союза, финансируемых из запрещенных законами Республики Казахстан источников;

- руководству партией на религиозной основе, либо политическими партиями или профессиональным союзом, финансируемым из запрещенных законами Республики Казахстан источников.

Ключевым словом в названии данного преступления является «незаконного», так как в соответствии со ст.23 Конституции граждане республики имеют право на свободу объединений.

В Законе Республики Казахстан от 31 мая 1996 г. «Об общественных объединениях» сказано, что «запрещаются создание и деятельность

общественных объединений, которая преследует экстремистские цели, а также создание не предусмотренных законодательством Республики Казахстан военизированных формирований» [108, с. 1].

Создание и деятельность политических партий и профессиональных союзов других государств на территории Республики Казахстан законами республики запрещена. Данный запрет распространяется и в отношении партий, образованных на религиозной основе. Более того, запрещено финансирование отечественных политических партий и профессиональных союзов за счет ресурсов иностранных юридических лиц и граждан, в том числе иностранными государствами и международными организациями.

Создание общественных объединений должны сопровождаться обязательной их регистрацией. Запрещается деятельность общественных объединений, в активности которых усматривается посягательство на здоровье и нравственные устои граждан.

В случае признания судом деятельности общественного, религиозного или иной организации незаконным и наложен запрет на дальнейшую деятельность, или вынесено решение о ликвидации в связи с осуществлением ими экстремизма или терроризма, но вопреки этому деятельность была продолжена, то наступает уголовная ответственность в соответствии со ст.405 УК РК.

Объективная сторона данного преступления состоит в игнорировании решения суда по запрету или ликвидации деятельности соответствующей организации, общественного или религиозного объединения.

Таким образом завершая исследование объективной стороны основных составов экстремистских преступлений следует отметить, что они совершаются посредством самых различных активных действий. Однако их объединение в одну группу под общим наименованием «экстремистские преступления» объясняется не содержанием этих действий, а мотивом – движущей, побудительной силой этих действий, в качестве которых выступают различные виды нетерпимости, неприязни, чувство исключительности, превосходства, связанные с политической, идеологической, расовой, национальной, социальной или религиозной принадлежности.

2.2. Субъективные признаки экстремистских преступлений

В Республике Казахстан действует принцип личной ответственности. Это означает, что к ответственности может привлекаться лишь только то лицо, которое совершило правонарушение или соучаствовало в совершении преступления с другим лицом. Персонализации уголовной ответственности за совершенное уголовное правонарушения является завоеванием французской буржуазной революции. В современной уголовно-правовой практике Республики Казахстан не допускается привлечение к уголовной ответственности близких родственников и иных членов семьи за деяние виновного. Еще не так давно (в 20-50-е годы) массовым репрессиям подвергались все члены семьи осуждаемого за политическое преступление.

Применительно к преступлению справедливы высказывания С.Л. Рубинштейн, в соответствии с которыми «человеческое деяние есть единство субъективных и объективных признаков. Оно одновременно и субъективно, и объективно, так как представляет собой проявление внутренних свойств человеческой личности и вместе с тем служит формой взаимодействия человека с внешней действительностью» [109, с. 124]. В этой связи для квалификации преступных деяний человека необходимо установление не только объективных, но и субъективных признаков правонарушения.

В.Н. Кудрявцев, говоря о значении субъективных признаков преступления, пишет: «Для правильной квалификации уголовного правонарушения большое значение имеет глубокий анализ субъективной стороны общественно опасного деяния. Требуется полное установление психического отношения субъекта к совершенному деянию. Анализ ошибок, допущенных в процессе квалификации, свидетельствует, что данные ошибки обусловлены либо непониманием субъективных признаков составов преступлений, либо недостаточным их установлением в процессе предварительного следствия или в суде» [110, с. 104]

В науке уголовного права превалирует позиция, согласно которой под субъективной стороной уголовного правонарушения следует понимать «внутреннюю психологическую характеристику преступного поведения, заключающуюся в психическом отношении преступника к совершаемому преступлению в целом и его отдельным юридически значимым элементам объективного характера» [111, с. 261].

Характеризуя психологический компонент противоправного деяния, субъективная сторона общественно опасного деяния представляет собою внутреннюю сторону преступления. При этом составляющие объективной стороны общественно опасного деяния находятся в единстве с субъективными признаками этого деяния. В этой связи процесс квалификации деяния будет завершённым только в случае обеспечения установления всех компонентов, как

объективной, так и субъективной стороны, поскольку само преступное деяние состоит из комплекса признаков указанных сторон.

По этому поводу Б.А. Осипян отмечает, что «как самостоятельный и существенный элемент состава преступления, субъективная сторона того или иного вида правонарушения может в некоторых случаях иметь самое основное правовое значение для правильной оценки конкретного противоправного и общественно опасного деяния с позиции определение его, как преступного или непроступного действия или бездействия.

Например, если лицо намеренно разбивает свой дорогостоящий автомобиль желая получить предусмотренную законом прибыльной для него страховой суммы, то его корыстное деяние квалифицируется как преступление в виде мошенничества. Однако если он сделал то же самое без наличия у него корыстного намерения, а просто для очередной забавы или развлечения, то в его разрушительных действиях нет состава указанного преступления» [112, с. 110-120].

Субъективные признаки уголовного правонарушения подлежат установлению так же, как и объективные признаки по каждому уголовному делу. К субъективным признакам относятся вина, мотив и цель правонарушения.

Прежде чем приступить к рассмотрению субъективных признаков экстремистски преступлений, по нашему мнению, следует остановиться на вопросе о субъекте данных преступлений.

По большинству экстремистских преступлений субъект преступления общий, то есть вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения преступления шестнадцати лет.

Исключение составляют два преступления, предусмотренные ст.174 УК (разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни) и 184 УК (диверсия). По указанным преступлениям уголовная ответственность наступает с четырнадцати лет.

По замыслу законодателя субъектом уголовного правонарушения может быть признано лицо, способное осознавать общественную опасность совершаемых им деяний и имеющее возможность руководить своими действиями. Это обстоятельство свидетельствует о его вменяемости, то есть лицо психически здоровое и имеет возможность осознавать социальное значение собственных действий, а также располагает возможностями регулирования своего поведения.

Отечественное уголовное законодательство устанавливает, что «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния (действия или бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается» [41].

Уголовный закон в данном случае действует в рамках принципа, закрепленного в статье 77 Конституции Республики Казахстан, в соответствии с которым «лицо считается невиновным в совершении преступления, пока его виновность не будет признана вступившим в законную силу приговором суда» [93].

Это означает, что главной составляющей субъективной стороны уголовного правонарушения является вина. Однако законодательного определения вины нет, есть лишь указание на его формы: умысел и неосторожность.

В уголовно-правовой доктрине присутствуют множество различных определений вины, на подобие: «Вина есть психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших ценностей общества» [113, с. 110].

Согласно утверждениям профессора Ю.А. Красикова: «Вина – это предусмотренное уголовным законом психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому деянию и его последствиям, выражающее отрицательное или безразличное отношение к интересам личности и общества» [113, с. 110].

Недостатком таких многословных определений является указания в них на антисоциальную или асоциальную установку. В то же время, общеизвестно, что неосторожная форма вины может быть характерна для деяний лиц вполне добропорядочных и законопослушных. Эти лица не представляют собою никакой общественной опасности. Правонарушение ими совершено вследствие невнимательности или небрежности, которая ими допущена в короткий промежуток времени и не является для них результатом проявления противоправной установки их личности.

Не предпринимая экскурса в это многообразие доктринальных воззрений, которые с различных ракурсов высвечивают различные характеристики обсуждаемого явления, остановимся на понравившейся нам дефиниции, которая на наш взгляд, отражает самую значимую в правовом отношении сущность вины. Так, по мнению А.Н. Игнатова «вину можно определить, как психическое отношение субъекта к своим действиям (бездействию) и их последствиям, свидетельствующее об общественной опасности данного лица» [114, с. 123-127].

Экстремистские уголовные правонарушения осуществляются только с прямым умыслом, то есть, «лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность общественно опасных последствий и желало их наступления» [41].

Виновные лица при совершении экстремистских преступлений отчетливо осознавали противоправный характер совершаемых им действий, предвидели наступление общественно опасных последствий в виде причинения ущерба

охраняемым законом интересам государства, физического или юридического лица и желало наступления ожидаемых им последствий.

Прямой умысел характеризует деяния всех лиц, причастных к совершению экстремистских преступлений. Все они четко осознают, что их деяния противоправны, но совершают свои деяния, желая наступления опасных последствий в виде причинения физического и морального ущерба физическим лицам.

Интеллектуальным элементом вины в данном случае будет осознание лицами общественной опасности экстремизма, а волевым элементом является их желание выразить собственную неприязнь, ненависть.

К субъективным признакам уголовного правонарушения помимо вины, относится мотив. Однако законодательного определения мотива правонарушения нет.

В науке существует ряд подходов к определению такого понятия, как мотив преступления. Например, профессор Я.М. Брайнин полагает, что «мотив преступного деяния с точки зрения уголовного права есть чувство (переживание), превратившееся в стимул к виновному поведению»[115, с. 27]. По мнению профессора Н.И. Загородникова, мотив представляет собой «определенного рода психическое состояние человека, которое побудило его к совершению общественно опасного деяния»[116, с. 72]. Профессор И.Г. Филановский относит к мотиву преступления «осознанный и конкретно определенный интерес, побудивший к совершению общественно опасного деяния»[117, с. 46]. В новейшем учебнике уголовного права под редакцией профессора В.П. Ревина «под мотивом преступления имеется в виду побудительный стимул, источник активности человека»[118, с. 202]. «Мотивами преступления называют обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствовалось при его совершении», – отмечает профессор А.И. Рарог[118, с. 204].

Таким образом, мотив является внутренней движущей силой, под влиянием которой лицо совершается те, или иные деяния. Мотив – это руководящая идея, объясняющая дела и поступки людей.

В этой связи установление мотива преступления является важнейшей задачей, как предварительного расследования, так и судебного разбирательства. В стадии предварительного расследования установление мотива правонарушения позволяет следствию обеспечить полноту расследования, установление всех юридически значимых обстоятельств уголовного дела, выявление всех эпизодов преступной деятельности, а иногда и более правильной квалификации деяний, а также определению роли каждого из участников преступления.

Определение мотива преступления помогает суду составить более полную характеристику личности подсудимого, что имеет немаловажное значение при назначении наказания. В отдельных случаях мотив преступления

может выступать в качестве обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность. Так, к примеру, в случае причинения телесного повреждения или умышленного повреждения чужого имущества смягчающим обстоятельством будет установление такого мотива, как защита жизни и здоровья близкого родственника. В случаях, когда лицо было движимо мотивом защиты собственной жизни или здоровья, может быть применены положения уголовного закона, исключающие преступность деяния.

Помимо этого, установление мотива уголовного правонарушения позволяет реализовать принцип справедливости уголовного судопроизводства.

Мотивом экстремистских преступлений будет желание виновного продемонстрировать обществу, конкретным лицам или группе лиц своей политической, расовой, национальной, религиозной, межэтнической, межрегиональной неприязни и вражды. Виновные лица демонстрируют окружающим собственное превосходство.

Проявление вражды и ненависти со стороны виновных в экстремистских преступлениях лиц к определенной группе лиц является отличительной чертой этих преступлений.

Именно указанные чувства руководят преступниками, которые при первой же возможности демонстрируют эти чувства путем совершения насильственных действий.

Вражда выражается в готовности лица в любой момент совершить какие-либо крайние меры по отношению лиц, к которым он испытывает ненависть.

В обиходе термины «вражда» и «ненависть» людьми воспринимаются в качестве синонимов. Однако в правовой литературе они толкуются не однозначно.

Так Фалеев М. приводит следующее определение «Ненависть состоит в проявлении эмоций. Она характеризуется выражением этих чувств по отношению к кому-либо и отличается негативной устойчивостью. Такое явление приобретает внешний вид неприязни, сопровождаемой приписыванием отрицательных черт, особое негативное восприятие по каким-либо признакам объекта ненависти. Ненависть формирует определенную установку, проявляющуюся в готовности к реализации ненависти в виде сознательных оценок, суждений и отношений. В некоторых случаях ненависть выражается в виде реальных агрессивных действий, которые причиняют вред объекту ненависти, его благополучию, соматическому, психологическому и психическому здоровью, жизни. Вместе с тем переживание ненависти может быть компенсировано ориентацией личности на моральные и конвенциональные нормы, значимые ценности и получить выражения в указанных действиях.

Вражда же представляется в виде взаимодействия между отдельным лицами или их группами. Вражде присущ деструктивно-агрессивный характер и одержимость целью причинения вреда противоположной стороне и

получения за счет этого морального удовлетворения, в том числе в самоутверждении за счет противной стороны» [119, с. 1].

По мнению Козлова А.П., «мотив состоит из двух уровней противоправного поведения. Первый уровень заключается в осознание потребности и формирование желания по достижению поставленной цели. Данный мотив социально нейтрален, и остается таковым до тех пор, пока субъект не перейдет к преступному действию. Второй уровень выражается в подборе способа удовлетворения потребности, то есть противоправного поведения. Такое толкование мотива полностью согласуется с экстремистским мотивом. Под последним понимается мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, в содержание которого можно выделить две составляющие - ненависть и вражда - явления взаимосвязанные. И если ненависть представляет собой категорию субъективную, то вражда является объективным выражением или «продолжением» ненависти» [120, с. 136].

Рассматриваемым чувствам также, как и любым иным человеческим эмоциям, не свойственны национальный, расовой или религиозный характер. Но все же, по нашему мнению, между этими понятиями есть существенная разница. Ненависть следует отнести к категории чувств и эмоций. Что касается вражды, то как обычно говорят, она каким-то образом проявляется. Иными словами, вражда, враждебность проявляется в активных действиях: телодвижениях, вербально и т.д.

На наш взгляд, не будет ошибочным выражение, что ненависть создает, формирует вражду, которая может получить выражение в агрессивных действиях.

При экстремистских преступлениях проявляется расовая, национальная и религиозная вражда.

Слово «расовой» является производным от слова «раса», что определяет на группу человечества, объединенную общностью наследственных физических признаков (цветом кожи, глаз, волос, формой черепа), обусловленных общностью происхождения и первоначального расселения [121, с. 1].

Данный вид вражды основывается на неприязни людей другой расы в силу имеющихся у виновного предубеждений относительно отличительных признаков людей, принадлежащих к определенной расе.

Расовая принадлежность человека проявляется в признаках его внешности (цвет кожи, разрез глаз, структура лица), поэтому она легко различается визуально. В этой связи расовая неприязнь проявляется к любым лицам, принадлежащим определенной расе, без учета его индивидуальных характеристик.

Слово «религия» лежит в основе прилагательного «религиозный» и понимается в трех значениях:

1) одна из форм общественного сознания - совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения;

2) одно из направлений такого общественного сознания (например, мировые религии - буддизм, ислам и христианство);

3) в переносном смысле сложившиеся непоколебимые убеждения, безусловная преданность какой-нибудь идее, принципу, нравственному закону[95, с. 261].

Религиозная принадлежность лица не всегда визуализирована, за исключением представителей духовенства.

Ненависть в данном случае вызывает именно принадлежность лица к определенной религиозной конфессии, что определяет его духовный мир.

В науке уголовного права учеными следующим образом определяется значение изучения цели преступления.

Так, по мнению В. В. Лунеева, «только исследуя реальные желания субъекта, можно понять его истинное отношение к своим действиям и их возможным последствиям, т. е. установить его реальную вину, не нарушая принципа субъективного вменения»[122, с. 28].

«Целенаправленность характеризует любой вид человеческой деятельности. Прежде чем совершить определенные действие человек устанавливает цель этих действий, то есть представляет будущую модель, которую он желает достичь посредством своих действий. Целенаправленным следует признать и общественно опасное деяние. Однако в этой ситуации цель имеет более специфическое значение. Цель уголовного правонарушения - это та будущая модель, образ, к достижению которого движется лицо при совершении преступления, те фактические результаты, которых виновный желает достичь своей деятельностью»[123, с. 92-95].

Характеризуя социальный состав цели уголовного правонарушения, В. Д. Филимонов утверждает, что она «позволяет, во - первых, определить непосредственный объект преступного посягательства, во - вторых, установить, какие последующие действия намерен совершить преступник, в третьих, показать, к каким конкретным последствиям должны привести действия лица, совершающего преступление» [124, с. 65].

В итоге, правовая (юридическая) содержание цели уголовного правонарушения выражается в том, каким образом эта цель прописана в норме уголовного права. Как указывает В. Д. Филимонов, «выделение цели преступного деяния... позволяет выразить интеллектуальную и волевую сосредоточенность преступника на достижении преступного результата, открывает большие возможности для придания уголовно правового значения устремленности человека на определенный результат...»[125, с. 120-121].

Главная цель всех деяний, совершаемых в процессе экстремистских преступлений заключается в разжигании межнациональной, межконфессиональной, межрасовой вражды, унижение чести и достоинства

личности человека, принадлежащего к группе, к которой преступник испытывает ненависть.

2.3. Квалифицирующие признаки экстремистских преступлений

Большинство статей уголовного закона, устанавливающих уголовную ответственность за совершение экстремистских преступлений, помимо основного состава предусматривают еще и квалифицированные признаки.

Д. Ж. Буликеева считает, что «данные признаки используются законодателем для конструирования более или менее опасной разновидности деяний, установления в законе новых пределов наказуемости по сравнению с той, которая сопряжена с основным составом преступления»[126, с. 68-71]. Большинство ученых придерживаются мнения, в соответствии с которым между основным и квалифицированным составами существует жесткая связь, предлагают следующее определение: «...дополнительные по отношению к основному составу и его признакам обстоятельства»[127, с. 147].

По определению Л. Л. Кругликова «...квалифицирующими являются признаки состава преступления, которые свидетельствуют о резко повышенной - по сравнению с отраженной при помощи признаков основного состава - общественной опасности деяния (и лица, совершившего это деяние). Признаки состава преступления как родового понятия - это закрепленные в уголовном законе обстоятельства, определяющие характер и типовую степень общественной опасности деяния, законодательную оценку вида поведения» [128, с. 14]

Квалифицирующие обстоятельства – это обстоятельства дела, а «применительно к уголовному делу обстоятельство означает часть всего того, что характеризует преступление»[129, с. 64] и личность виновного[130, с. 11]. «Отсюда следует, что квалифицирующими выступают обстоятельства, относящиеся к содеянному и к личности виновного. Никакие иного рода данные не могут признаваться в качестве квалифицирующих по уголовному праву»[131, с. 120-126].

«Сущностное содержание квалифицирующих обстоятельств двойственна. С одной стороны, они образуют совокупность признаков состава преступления. В этом случае им свойственны определенный перечень черт, определяющих их в качестве признака состава. Посредством этих черт они обладают способностью оказывать воздействие на квалификацию содеянного, способствовать появлению в статье новой санкции, которая характеризует специфику диспозиции, ибо «каждому общему определению преступления, даваемому в диспозиции закона, каждому составу всегда соответствует общее типовое наказание, определенное в санкции...»[132, с. 256].

С другой стороны, квалифицирующие признаки сами по себе не образуют единственно возможную совокупность признаков противоправного деяния, которая характеризует его в соответствии с уголовным законом «как преступное и уголовно наказуемое»[110, с. 36]. Данные признаки используются законодателем для конструирования более или менее опасной разновидности деяний, установления в законе новых пределов наказуемости,

смягченной или усиленной санкции по сравнению с той, которая сопряжена с основным составом преступления»[131, с. 120-126].

Таким образом, можно заключить, что квалифицированные составы преступлений представляют собою:

- дополнительные по отношению к основному составу и его признакам обстоятельства;
- конструкцию более\менее опасной разновидности деяний;
- дополнительно характеризуют содеянное и/или личность виновного;
- являются основанием для иной, по сравнению с основным составом, санкции;
- могут быть установлены только законодателем.

В числе экстремистских преступлений имеется такой квалифицированный признак, как те же действия, что предусмотрены основным составом, «совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору».

Этот признак предусмотрен вторыми частями следующих статей: 174, 179, 258.

В соответствии со ст.31 УК РК «Уголовное правонарушение признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителей без предварительного сговора. Уголовное правонарушение признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении уголовного правонарушения» [41].

«Совместность преступной деятельности соучастников означает, что каждый из участников вносит свой вклад в совершение преступления. Большинство специалистов отмечает, что признак совместности в соучастии предполагает установление трех обязательных элементов. Во-первых, взаимосвязанности и взаимообусловленности деяний (выраженных в форме действия или бездействия) двух или более соучастников. Во-вторых, единого для соучастников преступного результата. В-третьих, причинной связи между деянием каждого соучастника, с одной стороны, и общим преступным результатом, - с другой»[133, с. 158-163].

«При этом «совместность» понимается в том смысле, что действия (бездействие) каждого из соучастников направлены на совершение одного и того же преступления, между ними имеется определенная связь, которая создает взаимную обусловленность их преступного поведения, и это находит отражение во внутренней субъективной связи между соучастниками»[134, с. 146-147].

Содержание совместности, по словам А.В. Пушкина, «не заключается в простом объединении людей в пространстве и времени даже при единой цели. Она требует не стихийного, а строго согласованного выполнения взаимосвязанных актов человеческого поведения. Согласованность -

неотъемлемый компонент совместности и, значит, соучастия в преступлении» [135, с. 56-57].

Л.Д. Гаухман под совместностью, «представляет субъективное выражение совместности совершения преступления, ту необходимую психологическую связь между соучастниками, которая характеризует совместность их деятельности с субъективной стороны» [136, с. 105].

Таким образом, квалифицированный признак правонарушений, относимых законом к экстремистским, группой лиц по предварительному сговору означает совместные, заранее согласованные действия двух и более лиц. при этом каждый из участников группы четко осознавал природу своих действий, ясно представлял, какие общественно опасные последствия наступят в результате его действий, и желал наступления этих последствий.

Признак неоднократности содержится в ст.174, 258

В соответствии со ст.12 УК РК

1. Неоднократностью уголовных правонарушений признается совершение двух или более деяний, предусмотренных одной и той же статьей или частью статьи Особенной части настоящего Кодекса. Преступление и уголовный проступок не образуют между собой неоднократность.

2. Уголовное правонарушение не признается совершенным неоднократно, если за ранее совершенное уголовное правонарушение лицо было осуждено либо освобождено от уголовной ответственности по основаниям, установленным законом.

3. Не признается неоднократным продолжаемое уголовное правонарушение, то есть уголовное правонарушение, состоящее из ряда одинаковых противоправных деяний, которые охватываются единым умыслом и целью и образуют в целом одно уголовное правонарушение [41].

Верховный Суд РК разъясняет, если неоднократность в уголовно-правовой норме указана в качестве квалифицирующего признака, то совершение одним и тем же лицом нескольких тождественных уголовных правонарушений, подлежит квалификации в целом по соответствующей статье (части статьи) УК, предусматривающей ответственность за неоднократность совершения данного уголовного правонарушения.

При совершении нескольких уголовных правонарушений, предусмотренных различными частями одной и той же статьи УК, предусматривающими разные квалифицирующие признаки, эти деяния в целом подлежат квалификации лишь по той части статьи, которая устанавливает более строгое наказание и охватывает квалифицирующие признаки. В таких случаях квалифицирующие признаки уголовного правонарушения, установленные в отношении деяний, указанных в иных частях данной статьи уголовного закона, подлежат вменению и должны быть указаны в приговоре.

Неоднократность образуют только тождественные уголовного правонарушения. Поэтому совершение нескольких однородных уголовных правонарушений не может признаваться неоднократностью уголовных

правонарушений и подлежит квалификации как совокупность уголовных правонарушений [137, с. 1].

Признак неоднократности будет присутствовать вне зависимости от того, были правонарушения, образующие неоднократность оконченными или нет. Также не имеет значение, если деяния одного из них образовывали лишь приготовление к преступлению. Формы соучастия, выполняемые соучастниками роли, также не оказывают влияния на признак неоднократности.

Квалифицированный признак «совершенные лицом с использованием своего служебного» предусмотрен ст. 174, 179, 180, 258, 259 УК РК.

Основной смысл в понятии «служебное положение» заложен в слове «служба» («работа, занятия служащего, а также место его работы»), поэтому можно сделать вывод, что служебное положение означает, что лицо, состоит на определённой службе (служащий). Служащим может быть признано «должностное лицо в различных сферах умственного труда, управления, обслуживания, торговли».

Когда речь идет о службе, то всегда предусматривается наличие какой-то должности. В свою очередь, должность соотносится со служебным местом. Из этого можно заключить, что термины «служебное положение» и «должностное положение» (равно как термины «служащий» и «должностное лицо») представляются по большей части похожими понятиями. Тем не менее, невзирая на существенную схожесть, эти понятия не являются синонимами: первое значительно шире второго.

Для разъяснения понятия «лица, использующего своё служебное положение» следует обратиться к системным толкованиям норм УК РК. В них, так или иначе, упоминаются должностные лица, а также лица, занимающие иное служебное положение. Исходя из этого, субъектом экстремистских преступлений, следует признавать в соответствии с разъяснениями в п. 26 ст. 3 УК РК: должностное лицо – лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, а также в Вооруженных Силах Республики Казахстан, других войсках и воинских формированиях Республики Казахстан [41].

В теории уголовного права отмечается, что «наличие в УК такого квалифицирующего признака, как совершение деяния «лицом с использованием своего служебного положения», позволяет считать специальным субъектом преступления служащего, независимо от вида службы, в том числе и не наделенного управленческими полномочиями» [138, с. 1].

Расширенное толкование под службой признает «профессиональную деятельность определенного контингента лиц – служащих, – по организации исполнения и практической реализации полномочий государственных, общественных и социальных структур».

Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан» содержит следующие разъяснения:

« - государственная служба Республики Казахстан (далее – государственная служба) – деятельность государственных служащих в государственных органах по исполнению должностных полномочий, направленная на реализацию задач и функций государственной власти;

- государственный служащий – гражданин Республики Казахстан, занимающий в установленном законодательством Республики Казахстан порядке оплачиваемую из республиканского или местных бюджетов либо из средств Национального Банка Республики Казахстан государственную должность в государственном органе и осуществляющий должностные полномочия в целях реализации задач и функций государства» [139].

Законодатель дает разъяснение использования служебного положения в Нормативном постановлении Верховного суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений», в соответствии с которым под ним понимается «использование данными лицами предоставленных им по службе прав и полномочий» [140, с. 1].

Мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что ситуация, при которой государственный служащий совершает преступление, предусмотренное ст.258 УК, кардинально отличается от аналогичных ситуаций, складывающихся по поводу совершения всех иных уголовных правонарушений. Например, по таким экономическим преступлениям, как: рейдерство (ст.249 УК); уклонение от уплаты таможенных пошлин, таможенных сборов, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин (ст. 236 УК); экономическая контрабанда (ст. 234 УК); незаконные действия в отношении инсайдерской информации (ст.230 УК); монополистическая деятельность (ст.221 УК); легализация (отмывание) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем (ст.218 УК) законодателем использование служебного положения признается в качестве квалифицирующего признака, в силу того, что служебное положение облегчает виновным совершение преступления.

В качестве объекта преступных посягательств правонарушений, предусмотренных главой 15 УК РК (Коррупционные и иные уголовные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления), выступают интересы государственной службы и государственного управления. Иными словами упрощенно можно сказать, что при совершении коррупционных правонарушений сами полномочия государственного служащего становятся предметом противоправной сделки.

Совершенно иная ситуация складывается при совершении государственных служащими преступлений, предусмотренных ст.258 УК РК без использования служебных полномочий. Это, на наш взгляд, связано с тем, что рассматриваемые преступления относятся к категории «идейных». К

террористическим и экстремистским преступным организациям приобщаются люди, зараженные их идеологией.

Лица, виновные в совершении деяний, предусмотренных ст.258 УК РК также становятся приверженцами либо сочувствующими данной идеологии. Разумеется, что также, как и в случаях совершения иных преступлений, использование служебного положения может в некоторых случаях облегчать совершение преступления.

Однако, повышенная общественная опасность, по нашему мнению, заключается в самом факте совершения финансирования террористических или экстремистских организаций и иного пособничества терроризму либо экстремизму им государственным служащим. Ввиду занимаемого социального статуса, государственный служащий в глазах окружающих обладает определенным авторитетом и влиянием в обществе, пользуется уважительным отношением к себе. В этой связи совершение преступления государственным служащим повышает степень его общественной опасности в связи с тем, что способствует созданию привлекательного имиджа приверженца террористической или экстремистской организации. Поэтому совершение финансирования террористической или экстремистской деятельности и иного пособничества терроризму либо экстремизму государственным служащим, как с использованием служебных полномочий, так и без такового, по нашему мнению, должно получить одинаковую правовую оценку.

На основании изложенного мы полагаем целесообразным внести дополнение в пункт 23 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о террористических и экстремистских преступлениях» в следующей редакции: «Совершение финансирования террористической или экстремистской деятельности или иного пособничества терроризму или экстремизму лицом с использованием служебного положения предполагает, как использование данным лицом предоставленных им по службе прав и полномочий, так и без такового».

Квалифицированный признак «в том числе с использованием средств, полученных из иностранных источников» предусмотрен в следующих статьях: 174, 179, 180 УК РК.

Данный признак, по нашему восприятию, представляет наибольшую общественную опасность. Финансирование из иностранных источников, что называется, без особых комментариев указывает на то, что целью этого финансирования является посягательство на территориальную целостность и независимость нашего государства. Лица, использующие этот источник финансирования, не являются патриотами государства, гражданами которого они являются. Это свидетельствует об их негативном моральном облике.

Данный квалифицированный признак сравним по степени общественной опасности с такими особо квалифицированными признаками, предусмотренными частями 3 и 4 ст.179 УК (пропаганда или публичные

призывы к насильственному захвату власти или насильственному удержанию власти в нарушение Конституции Республики Казахстан):

«- действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Республики Казахстан либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан;

- осуществление представителями иностранного государства, международной или иностранной организации полномочий, находящихся в компетенции уполномоченных органов и должностных лиц Республики Казахстан, а также частью 3 ст.180 УК (Сепаратистская деятельность)

- действия, совершенные с целью нарушения унитарности и целостности Республики Казахстан, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории либо дезинтеграции государства» [41].

Квалифицирующий признак «лидером общественного объединения» предусмотрен в ст.174, 180, 258УК РК.

В соответствии с п.21 ст.3 УК РК лидер общественного объединения – руководитель общественного объединения, а также иной участник общественного объединения, способный посредством своего влияния и авторитета единолично оказывать управляющее воздействие на деятельность этого общественного объединения.

В данном случае повышенная общественная опасность участия данного субъекта в экстремистских преступлениях, по нашему мнению, так же, как и в случае участия в данном преступлении государственного служащего, заключается в его социальном статусе и связанном с этим его влиянием на общественное сознание. Участие в преступлении лидера общественного объединения так же способствует формированию у окружающих более притягательного образа приверженца терроризма и экстремизма.

В данном случае стоит обратить внимание на тот факт, что лидером общественного объединения становится человек, обладающий определенными качествами.

Мы солидарны с учеными, которые пишут нижеследующее. «Анализируя феномен лидерства как таковой (безотносительно к какому бы то ни было общественному объединению), ученые указывают на определенные качества, присущие личности, которые в свою очередь предопределили ее становление как лидера в том, или ином социальном контексте (религиозном, политическом, финансовом и т.д.)» [141, с. 41].

«Харизматичные личности, какими в большинстве случаев являются руководители и организаторы любых религиозных или общественных объединений, известны своим неподражаемым магнетизмом, решительностью, самоуверенностью, с которой они продвигают что-либо, будь это вера, определенные идеи или конкретный товар» [142, с. 190].

Эти качества личности лидера общественного объединения способствуют консолидации вокруг него большого количества людей, которым импонируют

декларируемые лидером идеи. Общеизвестно, что деятельность созданного общественного объединения в основном подчинена вдохновению ее лидеров.

Следует согласиться с А. Савенковым который обращает внимание на возможные отрицательные последствия харизматичных качеств личности лидера. По его словам, «само по себе наличие у лица таких качеств, как харизма, привлекательность и сила воли не является обязательной предпосылкой к созданию объединения, посягающего на личность и права граждан. Обладание такими способностями, в свою очередь, таит в себе потенциальную возможность злоупотребления ими. Лидер общественного объединения, использующий их в асоциальных целях, рано или поздно приводит свою организацию к деструктивным общественным действиям» [143, с. 1]

По словам Д.В. Беспалова «в целом по результатам экспериментального исследования было установлено, что ведущим внутригрупповым механизмом группового генезиса выступает лидерство. У лидеров, в отличие от руководителей, наблюдается высокий уровень критичности и общественной ответственности» [144, с. 51].

Мы интерпретируем данные обоснованные выводы ученых применительно к теме нашего исследования. Вовлечение в преступную деятельность лидера общественного объединения чревато не только такими опасными последствиями, как перерождение общественного объединения в деструктивное, но и вовлечение большого количества членов этого объединения в преступную деятельность. В контексте нашего исследования - это финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму.

Следует отметить, что совершение экстремистских преступлений лидером общественного объединения, либо лицом с использованием служебного положения в статье 182 (Создание, руководство экстремистской группой или участие в ее деятельности) рассматривается в качестве особо квалифицированного признака.

Следующий квалифицированный признак, деяний, предусмотренных ст.258 УК – это их совершение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

В соответствии со ст.3 УК РК:

- «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, – лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления либо организацией, доля государства в которой составляет более пятидесяти процентов»;

- организационно-распорядительные функции – предоставленное в установленном законом Республики Казахстан порядке право издавать приказы

и распоряжения, обязательные для исполнения подчиненными по службе лицами, а также применять меры поощрения и дисциплинарные взыскания в отношении подчиненных;

- административно-хозяйственные функции – предоставленное в установленном законом Республики Казахстан порядке право управления и распоряжения имуществом, находящимся на балансе организации» [41].

Бесспорно, что обладание указанными выше полномочиями облегчает лицу совершение рассматриваемого правонарушения, что повышает степень их общественной опасности.

Лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, в рамках своих полномочий вполне может осуществить финансирование преступных структур. Общеизвестно, что деятельность коммерческих организаций напрямую связана с постоянным оперированием денежными средствами. Материальными средствами могут распоряжаться не только коммерческие, но и иные организации. Материальные ресурсы могут иметь не только денежное выражение. Они могут быть представлены в виде различной продукции - это продукты питания, горюче-смазочные материалы, товары народного потребления и иные виды материальных ценностей.

Поэтому следует согласиться с мнением В.А.Тимченко, который говорит о наличии «криминалистической модели формирования источников денежных средств и иного имущества, используемой для финансирования терроризма с помощью легально действующих коммерческих организаций, основанной на способах создания неучтенных излишков денежных средств и материальных ценностей. Такие неучтенные излишки могут не присваиваться в корыстных целях, а направляться на финансирование терроризма» [145, с. 158].

Непосредственное направление материальных ресурсов организации на финансирование террористической или экстремистской деятельности и иного пособничества терроризму либо экстремизму осуществимо только лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Однако, следует отметить, что в текст части второй статьи 258 гласит, что преступление «совершенное лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации» В законе не говорится, что лицо использует свои полномочия управленца. В этой связи нет необходимости углубляться и подробно рассматривать содержание полномочий указанных лиц. Излагая подобным образом данную норму, на наш взгляд, законодатель, прежде всего, дает правовую оценку использованию этими лицами не полномочий, а своего социального статуса.

Это положение укрепляет нас в убеждении, что также, как и в случае совершения рассматриваемого преступления государственными служащими без использования своих полномочий, их приобщение к преступлению имеет большую степень общественной опасности. И это также связано с тем, что

участие в преступлении управленцев способствует формированию привлекательного имиджа приверженца терроризма или экстремизма.

На основании указанных выводов мы приходим к заключению о том, что совершение экстремистских преступлений лидером общественного объединения, либо лицом с использованием служебного положения, либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, в том числе с использованием средств, полученных из иностранных источников, должны быть признаны особо квалифицированными составами этих преступлений.

Совершение экстремистского преступления преступной группой в качестве особо квалифицированного признака предусмотрено ч.3 ст.174 УК РК.

Применение данного особо квалифицированного признака требует обращения к разъяснениям, указанным в пунктах 23, 24, 25, 33, 34, 35 и 36 статьи 3 УК, которые состоят в следующем:

«23) преступное сообщество - объединение двух или более преступных организаций, вступивших в сговор для совместного совершения одного или нескольких уголовных правонарушений, а равно создания условий для самостоятельного совершения одного или нескольких уголовных правонарушений любой из этих преступных организаций;

24) преступная группа - организованная группа, преступная организация, преступное сообщество, транснациональная организованная группа, транснациональная преступная организация, транснациональное преступное сообщество, террористическая группа, экстремистская группа, банда, незаконное военизированное формирование;

25) преступная организация - организованная группа, участники которой распределены по организационно, функционально и (или) территориально обособленным группам (структурным подразделениям);

33) транснациональное преступное сообщество - объединение двух или более транснациональных преступных организаций;

34) транснациональная преступная организация - преступная организация, преследующая цель совершения одного или нескольких уголовных правонарушений на территории двух или более государств либо одного государства, при организации совершения деяния или руководстве его исполнением с территории другого государства, а равно при участии граждан другого государства;

35) транснациональная организованная группа - организованная группа, преследующая цель совершения одного или нескольких уголовных правонарушений на территории двух или более государств либо одного государства, при организации совершения деяния или руководстве его исполнением с территории другого государства, а равно при участии граждан другого государства;

36) организованная группа - устойчивая группа двух или более лиц, заранее объединившихся с целью совершения одного или нескольких уголовных правонарушений» [41].

Когда деяние совершено преступной группой, степень общественной опасности деяния многократно повышается, что является основанием признавать эти деяния, как особо квалифицированный состав преступления.

Для субъектов этой категории само по себе участие в преступной группе является особо отягчающим обстоятельством, так как эти люди объединились специально для совершения преступлений, вступили в совместный стговор между собой. Разумеется, действия данных субъектов было направлено на создание необходимых условий для реализации своего преступного замысла и его сокрытия от правоохранительных органов Участники преступной группы обычно распределяют между собой выполнение определенных функций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование выбранной нами темы мы решили начать с изучения вопросов о международных стандартах в сфере противодействия экстремизму, поскольку для формирования глобального международного фронта противодействия экстремизму ключевое значение имеет стандартизация подходов различных стран ко всем аспектам данной проблемы. Гармонизация национальных законодательств и институциональных механизмов на базе единых международных стандартов призвана обеспечить эффективное противодействие различным проявлениям экстремизма на уровне каждой страны, а также полномасштабное международное сотрудничество в данной области.

Мы установили, что правовую основу объединения усилий членов мирового сообщества в антитеррористическом и антиэкстремистском сотрудничестве составляют, прежде всего, международные конвенции по борьбе с отдельными видами актов экстремистского характера, заключенных в рамках Организации Объединенных Наций и ее специализированных подразделений, а также межгосударственные договоры.

В международных правовых актах до 2001 г. не содержалось определения понятия «экстремизм», хотя термин употреблялся. В некоторых международных нормативных актах имеется упоминание лишь некоторых формы дискриминации и нетерпимости без их нормативной характеристики и выделения признаков

Большая часть международно-нормативных актов, сформированных под эгидой ООН, по своему содержанию декларативны. Они не приводят не только списка экстремистских деяний (за исключением терроризма), но также формулируют дефиниций экстремизма и его признаков

Кроме того, ознакомление с содержанием нормативных документов, издаваемых ООН показывает, что в них экстремизм представляется в связи исключительно с его религиозно-расовыми признаками. При этом игнорируется присутствие политических мотивов. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о существенном пробеле в понимании и определении содержательной стороны экстремизма.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом впервые дает определение понятия «экстремизм». Дефиниция, содержащаяся в Шанхайской конвенции, придает экстремизму исключительно политическую окраску (при отсутствии иных мотивов совершения экстремистских преступлений). На этом основании отдельные авторы приходят к выводу о том, что содержащаяся в указанной конвенции определение экстремизма настолько широкое, что в ней сосредоточен больше политический, нежели юридический смысл.

Следующая категория международных документов представляет собою итоговые решения, выносимые таким межгосударственным объединением, как

Содружество Независимых Государств (СНГ), членом которого является Республика Казахстан.

«Модельный закон о противодействии экстремизму», который был принят в г. Санкт-Петербурге 14 мая 2009 года

Одним из положительных характеристик данного закона, по нашему мнению, следует признать закрепление в статье 1, то есть в законодательном порядке, определения, дающей разъяснение понятия «экстремизм». Под экстремизмом закон признает посягательства на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемых вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения.

Следует отметить, что экстремизм переходит из границ социальных явлений в область правовых отношений в силу таких его признаков, как:

- игнорирование мнений большинства членов общества;
- игнорирование или даже отрицание основных общечеловеческих ценностей;
- агрессия в отношении инакомыслящих;
- стремление к подрыву государственных и общественных устоев;
- насаждение собственной идеологии насильственным путем.

В связи с этим актуализируется нормативное определение экстремизма.

В Законе Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 года закреплено определение экстремизма.

На наш взгляд, это чрезмерно громоздкое, многословное определение. Отечественный законодатель вместил в это определение почти все названия уголовных правонарушений, признанных экстремистскими. Помимо этого дефиниция отягощена использованием определений трех видов экстремизма: национального, религиозного и политического.

Многословность и потому громоздкость обсуждаемой правовой дефиниции противоречит правилам законодательной техники.

Для того чтобы уяснить вопросы о понятии, видах и правовой природе экстремистских преступлений, по нашему мнению, исследование необходимо начать с подробного рассмотрения такого ключевого в данном контексте понятия, как классификация преступлений. Это связано с тем, что именно определение родовой принадлежности преступления помогает наиболее полно высветить его основные составляющие компоненты.

По нашему мнению, воспринятый из науки уголовного права способ родовой классификации уголовных правонарушений позволяет отечественному законодателю наиболее рационально ориентировать свою уголовную политику.

Уголовный закон не дает определение понятию «экстремистские преступления». Как показывает наше исследование, это довольно сложная задача.

Так, например, наши соседи – Российская Федерация, решили определить рассматриваемую нами группу преступлений, как «преступления экстремистской направленности», при этом взяв в качестве основного отличительного критерия мотив преступления. Такой подход, по нашему мнению, не способствовал выполнению основной задачи правовой дефиниции – удобство ее применения в науке и практике уголовно-правовой отрасли. В этой связи российские ученые предпринимают попытки по совершенствованию рассматриваемой правовой дефиниции.

Недостатком отечественного нормативного определения является отсутствие определения экстремистской деятельности. Закон содержит определение экстремистских действий – это «непосредственная реализация действий в экстремистских целях, включая публичные призывы к совершению таких действий, пропаганду, агитацию и публичное демонстрирование символики экстремистских организаций».

Данное разъяснение не может быть применено для характеристики экстремистской деятельности, так как действия являются лишь составной частью деятельности.

В данном случае следует отметить, что в п.39 ст.3 УК РК к экстремистским отнесены лишь те преступления, в содержание объективных сторон которых входят элементы экстремизма.

Однако отечественный уголовный закон также предусматривает отдельные составы преступлений, которые не входят в обозначенный перечень экстремистских преступлений, но они совершены по экстремистским мотивам (так же, как и в УК Российской Федерации).

К таковым следует отнести, например, составы преступлений, совершенные по мотиву социальной, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды и предусмотренные: п.11 ч.2 ст. 99 (убийство), п.8 ч.2 ст. 106 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), п.6.ч.2 ст.110 (истязание) и преступления, предусмотренные статьей 145 (нарушение равноправия человека и гражданина).

Вполне определено эти преступления имеют экстремистскую характеристику, однако таковыми законодателем не названы.

Таким образом, получается, что перечень экстремистских преступлений не ограничивается списком, закрепленным в п.39 ст.3 УК РК.

Анализ уголовного закона на предмет отнесения преступлений к категории экстремистских показал, что, почему то в перечень экстремистских не включено преступление, предусмотренное ст.183 «Дача разрешения на публикацию в средствах массовой информации экстремистских материалов». Даже поверхностное ознакомление с текстом диспозиции данной статьи показывает, что это деяние способствует совершению экстремизма.

Мы также обратили внимание на то, что, почему то, в перечень экстремистских преступлений не включена статья 168 УК РК (геноцид). На наш взгляд, редакция данной статьи даже чисто терминологически совпадает с

текстом, характеризующим экстремизм. Образно взаимосвязь экстремизма и геноцида можно обозначить следующим образом: экстремизм это начало противоправного движения, а геноцид является одним из конечных пунктов намеченного маршрута.

Рассмотрение вопроса об уголовно-правовых мерах противодействия экстремизму в государствах ближнего и дальнего зарубежья показало, что в государствах бывшего СССР или стран ближнего зарубежья наблюдается отсутствие систематизации составов правонарушений, объединяемых общим названием – экстремистские. Правонарушения, которые следует признать экстремистскими, размещены в совершенно разных главах УК.

В большинстве этих государств отсутствует определение экстремистских преступлений.

В некоторых государствах (Грузия, Армения, Азербайджан) уголовное законодательство даже не употребляет термина «экстремизм».

Такое положение вещей, видимо, следует объяснять тем, что эти государства входили в состав СССР, где благодаря тоталитарному режиму не было необходимости в создании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за правонарушения рассматриваемого вида.

Однако, со времени приобретения бывшими республиками СССР самостоятельности прошло достаточно времени, чтобы в соответствии с потребностями настоящего времени устранить этот законодательный пробел.

В данном контексте мы невольно обращаем внимание на то, что в сравнении с нашими соседями – государствами ближнего зарубежья, уголовно-правовое регулирование в части регламентации уголовной ответственности за экстремистские правонарушения в Республики Казахстан находится на более высоком уровне.

Уголовное законодательство государств дальнего зарубежья также выгодно отличается от законодательства стран ближнего зарубежья. Их регламентация уголовной ответственности за экстремистские преступления в большей степени ориентированы на международные правовые акты, содержащие рекомендации, как по определению экстремизма и экстремистских преступлений, так и по способам борьбы с нею.

Изучение объективных признаков экстремистских преступлений показало, что непосредственный объект посягательств при совершении преступлений, признаваемых экстремистскими, различается.

По нашему мнению, в целом, невзирая на некоторые отличия в основном непосредственном и дополнительном непосредственном объекте, экстремистские преступления объединяет общая направленность на причинение вреда системе правоотношений, где законодательно закреплены порядок управления, территориальная неприкосновенность, отправление правосудия, политическое устройство, безопасность человеческого сообщества, включающие право человека на жизнь, здоровье, свободу, благополучие и на их неприкосновенность.

По объективной стороне экстремистские преступления относятся к преступлениям с формальным составом. Исключением будет являться состав, предусмотренный ч.3 ст.174 УК, так как эти преступления будут считаться оконченными при наступлении тяжких последствий для здоровья потерпевшего.

Следует отметить, что они совершаются посредством самых различных активных действий. Однако их объединение в одну группу под общим наименованием «экстремистские преступления» объясняется не содержанием этих действий, а мотивом – движущей, побудительной силой этих действий, в качестве которых выступают различные виды нетерпимости, неприязни, чувство исключительности, превосходства, связанные с политической, идеологической, расовой, национальной, социальной или религиозной принадлежности.

По большинству экстремистских преступлений субъект преступления общий, то есть вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения преступления шестнадцати лет.

Исключение составляют два преступления, предусмотренные ст.174 УК (разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни) и 184 УК (диверсия). По указанным преступлениям уголовная ответственность наступает с четырнадцати лет.

Экстремистские преступления совершаются только с прямым умыслом. Виновные лица при совершении экстремистских преступлений отчетливо осознавали противоправный характер совершаемых им действий, предвидели наступление общественно опасных последствий.

Мотивом экстремистских преступлений будет желание виновного продемонстрировать обществу, конкретным лицам или группе лиц своей политической, расовой, национальной, религиозной, межэтнической, межрегиональной неприязни и вражды. Виновные лица демонстрируют окружающим собственное превосходство.

Проявление вражды и ненависти со стороны виновных в экстремистских преступлениях лиц к определенной группе лиц является отличительной чертой этих преступлений.

Рассматриваемым чувствам также, как и любым иным человеческим эмоциям, не свойственны национальный, расовый или религиозный характер. Но все же, по нашему мнению, между этими понятиями есть существенная разница. Ненависть следует отнести к категории чувств и эмоций. Что касается вражды, то как обычно говорят, она каким-то образом проявляется. Иными словами, вражда, враждебность проявляется в активных действиях: телодвижениях, вербально и т.д.

На наш взгляд, не будет ошибочным выражение, что ненависть создает, формирует вражду, которая может получить выражение в агрессивных действиях.

Главная цель всех деяний, совершаемых в процессе экстремистских преступлений заключается в разжигании межнациональной, межконфессиональной, межрасовой вражды, унижение чести и достоинства личности человека, принадлежащего к группе, к которой преступник испытывает ненависть.

По ряду экстремистских преступлений законодателем предусмотрены такие квалифицированные признаки, как: «совершенные лицом с использованием своего служебного» (ст. ст.174, 179, 180, 258, 259 УК РК), «в том числе с использованием средств, полученных из иностранных источников» (ст.ст. 174, 179, 180 УК РК), «лидером общественного объединения» (ст. ст.174, 180, 258УК РК).

Ввиду занимаемого социального статуса, государственный служащий в глазах окружающих обладает определенным авторитетом и влиянием в обществе, пользуется уважительным отношением к себе. В этой связи совершение преступления государственным служащим повышает степень его общественной опасности в связи с тем, что способствует созданию привлекательного имиджа приверженца террористической или экстремистской организации.

Вовлечение в преступную деятельность лидера общественного объединения чревато не только такими опасными последствиями, как перерождение общественного объединения в деструктивное, но и вовлечение большого количества членов этого объединения в преступную деятельность.

Лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, в рамках своих полномочий вполне может осуществить финансирование преступных структур. Общеизвестно, что деятельность коммерческих организаций напрямую связана с постоянным оперированием денежными средствами. Непосредственное направление материальных ресурсов организации на финансирование террористической или экстремистской деятельности и иного пособничества терроризму либо экстремизму осуществимо только лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

В результате проведенного исследования мы приходим к следующим **выводам:**

1. этого полагаем целесообразным определение понятия экстремизма изложить в следующей редакции: «экстремизм - организация и (или) совершение физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий, преследующих следующие экстремистские цели:

насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в

незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, осуществляемое вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм социального поведения».

2. целесообразно включить в перечень экстремистских преступлений, закрепленных в пункте 39 ст.3 УК РК преступления, предусмотренные

- ст.183 (дача разрешения на публикацию в средствах массовой информации экстремистских материалов);

- ст. 145 (нарушение равноправия человека и гражданина);

- ст. 168 (геноцид);

- п.11 ч.2 ст. 99 (убийство);

- п.8 ч.2 ст. 106 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью);

- п.6.ч.2 ст.110 (истязание).

3. в Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о террористических и экстремистских преступлениях» закрепить определение вооруженного мятежа в следующей редакции: «Вооруженный мятеж – это массовое организованное вооруженное выступление с воздействием или угрозой воздействия поражающих свойств вооружения, имеющегося у значительной части участников в виде оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также военной техники с вооружением (бронетранспортеров, танков, боевых вертолетов и самолетов и т. п.) в целях свержения, изменения конституционного строя либо нарушения территориальной целостности Республики Казахстан».

4. изложение части первой ст.258 УК РК в следующей редакции было бы целесообразным: «Финансирование террористической или экстремистской деятельности, то есть предоставление средств, оказание финансовых услуг или осуществление сбора средств любыми методами или способами физическому лицу либо группе лиц, либо юридическому лицу, совершенные лицом, заведомо осознававшим террористический или экстремистский характер их деятельности либо то, что предоставленные средства, оказанные информационные, финансовые и иного рода услуги будут использованы для осуществления террористической или экстремистской деятельности либо обеспечения террористической или экстремистской группы, террористической или экстремистской организации, незаконного военизированного формирования».

5. внести дополнение в пункт 23 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о террористических и экстремистских преступлениях» в следующей редакции: «Совершение финансирования террористической или экстремистской деятельности или иного пособничества терроризму или экстремизму лицом с использованием служебного положения предполагает, как использование данным лицом предоставленных им по службе прав и полномочий, так и без такового».

6. совершение экстремистских преступлений лидером общественного объединения, либо лицом с использованием служебного положения, либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, в том числе с использованием средств, полученных из иностранных источников, должны быть признаны особо квалифицированными составами этих преступлений.

Список использованной литературы

1. Закон РК от 6 января 2012 г. №527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527> (дата обращения: 27.03.2017).
2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2018 года № 124 «Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 - 2022 годы» (с изменениями от 13.12.2019 г.) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36325215
3. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики / Гуськов А.Я., Долгова А.И., Чуганов Е.Г. - М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2010. - 244 с.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010760
5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года // Сборник международных договоров СССР. М., 1993. Вып. XI_У1. https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1010901
6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 г. «Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма» https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1025948
7. Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 28 сентября 2001 г. № 1373 (2001) https://online.zakon.kz/DOCUMENT/?doc_id=1026698
8. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 года № 58/174. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 21.08.2019).
9. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам: принята резолюцией 47/135 на 92-м пленарном заседании 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 18 декабря 1992 года // Действующее международное право. М., 1997. Т. 2. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml
10. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений: принята резолюцией 36/55 на 73-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 25 ноября 1981 года // СПС «КонсультантПлюс».
11. Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости: резолюция ООН от 18 декабря 2008 года // СПС «КонсультантПлюс».
12. Никитин А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и

общеправового анализа: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 23

13. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г. <https://base.garant.ru/2561763/>

14. Петрянин А.В. Экстремизм как конвенциональное преступление // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014 С.140-145

15. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Новоселов Г.П. - М.: Норма, 2001. - 208 с.

16. Энциклопедия уголовного права: Понятие преступления. Т. 3 / Гонтарь И.Я., Зинченко И.А., Козлов А.П., Кузнецова Н.Ф., и др.; Отв. ред.: Малинин В.Б. - С.-Пб.: Изд. профессора Малинина, 2005. - 522 с.

17. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1966. С. 118.

18. Понятие преступления / Козлов А.П. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004. - 819 с.

19. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ. Рекомендательный законодательный акт. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ 17 февраля 1996 года: Приложение к "Информационному бюллетеню". № 10 - М., 1996. - 373 с.

20. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года // Бюллетень международных договоров. 2000. № 12. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006954

21. Содружество: информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 2000. № 2 (35). <https://search.rsl.ru/ru/record/01004953879>

22. Каширкина А.А. Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с экстремизмом // Журнал российского права. - М.: Норма, 2007, № 12. - С. 75-84

23. Хлобустов О.М. О некоторых понятиях и терминах в сфере борьбы с современным терроризмом // Российский следователь. 2006. № 5. С. 42-49.

24. О программе сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2005—2007 годы: решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств // СПС «КонсультантПлюс».

25. О Программе сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2008—2010 годы: решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств // СПС «КонсультантПлюс».

26. Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2009. № 44. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004368853/
27. О Программе сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2011—2013 годы: решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств: принято в г. Москве 10 декабря 2010 года // СПС «КонсультантПлюс».
28. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года // Собрание законодательства РФ. 2002. № 7, ст. 632. <https://www.alta.ru/tamdoc/00sd0001/>
29. Соснов Н. «Экстремизм»: история и современность//<https://vestnikburi.com/ekstremizm-istoriya-i-sovremennost/>
30. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. — М.: ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 с.
31. Советский энциклопедический словарь. М., 1985.-с.817
32. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., Т. 30. - 672 с.
33. Малая энциклопедия современных знаний. 2-е изд., перераб.: В 2 т. М.; Харьков, Т. 1.-400с
34. Краткий политический словарь// Электронный ресурс:https://gufo.me/dict/politics_dict
35. Фразеологический словарь русского литературного языка// <https://znachenie-slova.ru/крайний>
36. Толковый словарь Ефремовой//Электронный ресурс: https://gufo.me/dict/politics_dict
37. Авцинова Г.И. Экстремизм политический // Политическая энциклопедия. - М., 1999. - Т. 2. - С. 637-638
38. Глухов Е. А. Незаметный экстремизм, или о профилактике вербального экстремизма в армии / Е. А. Глухов, С. А. Строков // Право в Вооруж. Силах. – 2018. – № 1. – С. 12–18.
39. Голубых Н. В. О сущности понятия «экстремизм» / Н. В. Голубых, М. П. Леготин // Адвокат. – 2013. – № 6. – С. 60–63.
40. Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 года// Электронный ресурс: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226#z836>
41. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.12.2020 г.) https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252
42. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК «О правовых актах» // Электронный ресурс: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226#z836>
43. Ляшко А.А. Язык закона и язык права как особый вид лингвообразования//В сборнике: Профессиональное

- лингвообразование Материалы седьмой международной научно-практической конференции. Научные редакторы: Н.Л.Уварова, Т.Г.Рыбалко. 2013. С. 395-400.
44. Сырых Е.В. Техничко-юридические критерии качества закона // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. С. 173.
45. Тошев А.М. Структурные компоненты законодательной техники//Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2015. № 4 (28). С. 24-28.
46. Гегель Г. Наука логики. - М., 1975. С. 295.
47. Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. - М., 1996. С. 29.
48. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. - М., 1975. С. 128.
49. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / Отв. ред.: Беляев Н.А., Шаргородский М.Д. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. - 648 с.
50. Гельфер М.А. Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве: Вопросы советского уголовного права // Ученые записки: Вопросы советского уголовного права. Ученые записки ВЮЗИ. - М., 1959, Вып. 7. - С. 39-59
51. Улезько С.И. КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ//Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 70-74.
52. Назаренко Л.А. ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ//Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 12-2. С. 345-348.
53. Сизов А.А. Уголовно-процессуальное обеспечение защиты прав и интересов свидетелей // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2–1. – С. 212–215.
54. Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. С. 81.
55. Алексеев С.С Теория права / С.С. Алексеев. М.: Издательство БЕК ,1994. 220с.
56. Классификация преступлений экстремистской направленности: научно-правовой анализ https://bstudy.net/610471/pravo/klassifikatsiya_prestupleniy_ekstremistskoy_napravlennosti
57. Юрьева Н.В. К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ "ЭКСТРЕМИЗМ", "ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ", "ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ" В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ// В сборнике: Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований Материалы региональной научно-практической конференции. Составители А.А. Сарсенова, Э.Х. Мамедов. 2020. С. 258-263.

58. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование). Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Фридинский С.Н. - М., 2011. - 42 с.
59. Куковякин А.Е. ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ//Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2 (43). С. 279-282.
60. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о террористических и экстремистских преступлениях»
https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35536669
61. Антименко О.О. Экстремизм и СМИ: спасет ли нас общественный контроль? // Экстремизм и средства массовой информации: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. В.Е. Семенова. — СПб., 2006. с. 192
62. Фейк о погибших 300 человек в «Зимней вишне» запустил телефонный пранкер Евгений Вольнов. URL: https://www.znak.com/2018-03-27/feyk_o_300_pogibshih_v_zimney_vishne_zapustil_ukrainskiy_pranker_volnov (дата обращения: 10.04.2018).
63. Аванесян В.В. ГЕНОЦИД КАК АПОГЕЙ ЭКСТРЕМИЗМА//Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 3 (31). С. 87-91.
64. Rost N. Will it happen again? On the possibility of forecasting the risk of genocide / N. Rost // Journal of Genocide Research. — 2013. — Vol. 15, iss. 1. — P. 41–67.
65. Барабаш А.С. Соотношение геноцида и экстремизма в уголовном праве и криминологии / А.С. Барабаш, С.И. Бушмин, Г.Л. Москалев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 94–100.
66. Гордеев Н. С. Российская политика по противодействию экстремизму: запланированный хаос?// Социально-политические науки №4. 2015. С.27-33
67. Наумов А.В. Уголовно-правовая борьба с преступлениями на почве расовой, национальной, религиозной и иной ненависти в США: опыт законодательства и правоприменительных органов (сравнительно-правовое исследование) / А.В. Наумов // Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 97-110.
68. Петрянин А.В. Техника современного правотворчества в рамках выработки дефиниции «экстремизм»: особенности и перспективы / А.В. Петрянин // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 403-410
69. Афанасьев К.Н. Идеология терроризма / / Социально-гуманитарные знания. — М., 2001. — С. 205—219.
70. Религиозно-политический экстремизм : сущность, причины, формы проявления, пути преодоления [Текст] : монография / [Яхьяев М. Я. и др.] ; под общ. ред. М. Я. Яхьяева. - Москва : Парнас, 2011. - 295 с

71. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.12.2020 г.) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109
72. Уголовный кодекс Грузии. Принят 22 июля 1999 г. Введен в действие с 1 июля 2000 г. С изменениями и дополнениями на 1 декабря 2001 г.: Перевод с грузинского / Науч. ред.: Бигвава З.К.; Пер.: Мериджанашвили И.; Вступ. ст.: Михайлов В.И.; Обзор. ст.: Гамкрелидзе О. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. - 409 с.
73. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.02.2021 г.) https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421110
74. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.10.2020 г.) https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353
75. Уголовный кодекс Турции. Принят Великим Национальным Собранием Турции 1 марта 1926 г. с изм. и доп. на 3 августа 2002 г.: Перевод с турецкого / Пер.: Бабаев Х.; Науч. ред. и предисл.: Аджар Х., Сафаров Н. (Пер.) - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. - 374 с.
76. Уголовный кодекс Испании / Под ред. и с предисл.: Кузнецова Н.Ф., Решетников Ф.М.; Пер.: Зырянова В.П., Шнайдер Л.Г. - М.: Зерцало, 1998. - 218 с.
77. Дробижева Л.М. Мотив национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды при совершении убийства / отв. ред. Л. М. Дробижевой. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 21
78. Примерный уголовный кодекс США // Электронный ресурс «Федеральный правовой портал «Юридическая Россия»» (<http://law.edu.ru/>). © Юридическая Россия 2008.
79. Уголовный кодекс штата Вашингтон (Washington criminal code) // Электронный ресурс Washington State Legislature (<http://apps.leg.wa.gov/>).
80. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк (Criminal code State of New York) // Электронный ресурс Criminal Law (<http://www.legallawhelp.com/>).
81. Курс уголовного права. Том 5. Особенная часть / Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С. М.: Зерцало, 1999. С. 205.
82. Simmons M. Killer's family opposes death penalty // Los Angeles Times, Juli 4 2008
83. Акт 2001 года, сплывающий и укрепляющий Америку обеспечением, надлежащими орудиями, требуемыми для пресечения терроризма // НК 3162 (http://epic.org/privacy/terrorism/ata2001_text.pdf).
84. Власов И.С., Голованова Н.А., Ионцева С.А., Меньших А.А., Чернухина Л.С. Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом / Отв.

ред. Власов И.С. М.: Городец, 2002. С. 70

85. Ключев П. Уголовное законодательство некоторых зарубежных стран в области борьбы с терроризмом // Бюллетень Студенческого научного общества, 2004. № 3/4. С. 51.

86. Выжутович В. Если... понятие растяжимое // Российская газета, 2006. № 4231. <https://rg.ru/2006/11/24/ektsremizm-popravka.html>

87. Уголовный Кодекс Федеративной Республики Германии // Электронный ресурс «Федеральный правовой портал «Юридическая Россия»» (<http://law.edu.ru/>). © Юридическая Россия 2008.

88. Чанхай Л., Коротких Н.Н. ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ, КАСАЮЩИХСЯ КОНТРОЛЯ НАД ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ И КИТАЕ Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. Т. 19. № 4. С. 92-106.

89. Бешукова З.М., Прохоров Л.А. Законодательные и правоприменительные аспекты противодействия экстремизму: анализ опыта Чешской Республики // Российский следователь. - М.: Юрист, 2011, № 21. - С. 38-40

90. Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления / Тимейко Г.В.; Отв. ред.: Некипелов П.Т. - Ростов: Изд-во Рост. ун-та, 1977. - 216 с.

91. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / М. И. Ковалев и др.; отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М.: Норма, Инфра-М, 1998. 516 с.

92. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.) https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029

93. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о террористических и экстремистских преступлениях» https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35536669

94. Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 года № 451-І «О средствах массовой информации» https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1013966

95. Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... д - ра. юрид. наук: 12.00.08. / Борисов Сергей Викторович. М., 2012. С 268

96. Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) государственная преступность. – М. 1999. – С. 43-44.

97. Нормативное Постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 года «О некоторых вопросах применения судами

законодательства об ответственности за бандитизм и другие уголовные правонарушения, совершенные в соучастии». https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023817

98. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства. М., 2009. С. 65.

99. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. 2-е изд., исправл. и доп. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. 2-е изд., исправл. и доп. - М.: Контракт, Инфра-М, 2008. — 800 с

100. Уголовное право России. Особенная часть [Текст] : учебник : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению "Юриспруденция" и специальности "Юриспруденция" / [С. А. Балеев и др.] ; под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. - Москва : Статут, 2012. - 941, [1] с.

101. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовноправовое и криминологическое исследование. СПб., 2009. С. 98.

102. Агапов П.В. **ВООРУЖЕННЫЙ МЯТЕЖ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**//Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 66-70.

103. Хлебушкин А.Г. **ГЛАВА 16. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА** В книге: Уголовное право. Особенная часть. Агаев Г.А., Алешина-Алексеева Е.Н., Антонов А.Г., Бычков С.Н., Готчина Л.В., Денисов С.А., Епифанов Б.В., Кирьянов А.А., Кокин Д.М., Крюков А.В., Кузнецова Н.И., Никуленко А.В., Огарь Т.А., Семенов К.П., Степанов Ю.И., Тимина Т.Н., Тюнин В.И., Хлебушкин А.Г., Шкеле М.В. Учебник. Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербург, 2020. С. 652-686.

104. Закон Республики Казахстан № 474 от 4 июля 2003 г. «О государственном регулировании, контроле и надзоре финансового рынка и финансовых организаций» https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1041467

105. приговор Экибастузского городского суда Павлодарской области от 20 марта 2014 года по уголовному делу № 1-89 https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30040047

106. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 19 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.12.2020 г.) https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840

107. Стрюковатый В.В. Особенности определения признаков объективной стороны состава преступления при квалификации преступного деяния по ст. 208 УК РФ «Создание незаконного вооруженного формирования или участие в нем» // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 12А. С. 220-230.

108. Закон Республики Казахстан от 31 мая 1996 года № 3-І «Об общественных объединениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.05.2020 г.) https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005615
109. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1946. 2-е изд. (1946г.) - СПб.: 2002 - 720 с.
110. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: 1999. – С. 147.
111. Курс российского уголовного права. Общая часть / Бородин С.В., Келина С.Г., Кригер Г.Л., Кудрявцев В.Н., и др.; Под ред.: Кудрявцев В.Н., Наумов А.В. - М.: Спарк, 2001. - 767 с.
112. Осипян Б.А. ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ЭЛЕМЕНТЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ\ Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 18. № 2. С. 110-120.
113. Новое уголовное право России. Общая часть: Учебное пособие / Борзенков Г.Н., Бородин С.В., Кузнецова Н.Ф., Наумов А.В., и др.; Под ред.: Кузнецова Н.Ф. - М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. - 168 с.
114. Игнатов А.Н. О ПОНЯТИИ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ\Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 3. С. 123-127
115. Брайнин Я.М. Основания уголовной ответственности и важнейшие вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1963. 37 с.
116. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. 278 с.
117. Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 174 с.
118. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2010. 496 с.
119. Фалалеев М. Досье на гастарбайтера // Российская газета. 2010.16 февраля <https://rg.ru/gazeta/rg/2010/02/16.html>
120. Козлов А. П. Общая теория квалификации преступлений. Учебное пособие. Красноярский аграрный университет. – 2010.- 250 с
121. Интернет – источник // Толковый словарь Ожегова онлайн. <http://slovarozhegova.ru/>
122. Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000. С. 63
123. Баранов Д.В. ЦЕЛЬ СБЫТА КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 186 УК РФ\Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 15 (153). С. 92-95.
124. Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 124.
125. Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 120–121
126. Буликеева Д. Ж. Понятие и природа квалифицирующих признаков\Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 11

(302). Право. Вып. 36. С. 68–71.

127. Барков, А. В. Значение, понятие, виды и принципы конструирования квалифицирующих признаков преступления // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности в СССР. Минск : БГУ, 1983. С. 285

128. Кругликов, Л. Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние // Вестн. Ярослав. гос. ун-та. 2007. № 4. С. 56.

129. Нокербек М.А. Соотношение норм уголовного и уголовно-процессуального права, касающихся предмета доказывания // Тр. Ин-та филос. и права АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1963. Т. 7. С. 189

130. Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве. Воронеж, 1985. С. 25

131. Кругликов Л.Л. О ПОНЯТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С КВАЛИФИЦИРОВАННЫМИ СОСТАВАМИ\\
Юридическая наука. 2014. № 2. С. 120-126.

132. Избранные труды / Трайнин А.Н.; Сост., вступ. ст.: Кузнецова Н.Ф. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004. - 898 с.

133. Святенюк Н.И. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХИЩЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ РАЗБОЙНОГО НАПАДЕНИЯ, СОВЕРШЕННОГО ГРУППОЙ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ\\Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 158-161

134. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: «Издательство Московского университета», 1984. С. 146— 147

135. Пушкин А.В. Субъективные признаки соучастия в преступлении // Вестник Московского университета МВД России. 2003. № 2. С. 56—57

136. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 195.

137. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 декабря 2006 года N 11 «О квалификации неоднократности и совокупности уголовных правонарушений»
http://adilet.zan.kz/rus/docs/P06000011S_

138. Галыгина И.П. Нарушение неприкосновенности частной жизни, совершенное лицом с использованием своего служебного положения // <http://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-neprikosnovennosti-chastnoy-zhizni-sovershennoe-litsom-s-ispolzovaniem-svoego-služhebnogo-polozheniya>

139. Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан»
https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36786682

140. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 «О практике рассмотрения некоторых

коррупционных преступлений»
https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32988867

141. Грибникова О.Б. К вопросу о личности лидеров деструктивных религиозных и общественных объединений (криминологический аспект) \\ РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ • 2010 ТОМ 7 № 4 С.41-46

142. Тобиас М., Лалич Дж. Характерные черты лидера культа (из книги «Плененные сердца, плененные умы») // Журнал практического психолога. – 2000. – № 1–2. – С. 189–214. // URL: <http://evolkov.net/cults/jpp/Tobias.Lalich.Characteristics.of.a.Cult.Leader.html> (Дата обращения 12.06.2017).

143. Савенков А. Индокринация личности // Изд. Московский педагогический государственный университет. Развитие личности. – 2006. – № 1. – С. 53–61. // URL: http://www.rl-online.ru/articles/rl02_06/535.html (Дата обращения 12.06.2017).

144. Беспалов Д.В. Динамика лидерства в группах подростков и юношей // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. №3. С. 49–59

145. Тимченко В.А. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА \\ Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 156-161.